

Евгения и Антон
ГРАНОВСКИЕ

Я - ТВОЙ СОН

Евгения Грановская
Антон Грановский
Я – твой сон
Серия «Марго Ленская и
дьякон Андрей Берсенов»
Серия «Под завесой
мистических тайн», книга 8

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9363082*

*Я – твой сон: [роман] / Евгения и Антон Грановские: Эксмо; Москва;
2015
ISBN 978-5-699-79367-9*

Аннотация

Услышав, что в лесу скрываются преступники, ограбившие инкассаторов, трое бесшабашных друзей отправились за добычей. Они знали: деньги спрятаны в заброшенном руднике, но побаивались спускаться туда под покровом ночи... Наконец пойти вызвался Юра по прозвищу Суслик. Но из шахты он не вернулся – оставшиеся снаружи друзья слышали только странный приглушенный шум: не то ворчание, не то шорох чего-то тяжелого, волочащегося по каменным выступам пола...

Аня Родимова не собиралась перенимать ремесло своей бабки-целительницы. Еще не хватало, чтобы ее тоже начали побаиваться и называть колдуньей! К тому же в последнее время бабушка все чаще повторяла странные вещи: в лесу пробудилась древняя неведомая сила и требует жертвы. И только она в силах усмирить ее...

Содержание

Часть первая

6

Конец ознакомительного фрагмента.

99

Евгения Грановская, Антон Грановский Я – твой сон

© Грановская Е., Грановский А., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*На стенке, горделиво-горячи,
Стараясь быть кто ярче, кто умнее,
Плясали разноцветные лучи,
Хвалясь оригинальностью своею...
Но если, всю мозаику лучей
Собрав, смешать в посудине одной,
То выйдет свет, что людям всех нужней:
Как раз вот этот скромный свет дневной.
Эдуард Асадов, «Дневной свет»*

Часть первая

Шахта

1

В лесу стремительно темнело. Еще от силы час, и сумерки сменятся ночью – страшной, непроглядной, пахнущей гнилыми деревьями и сырой, заболоченной землей. Два человека, пробираясь по лесу, понимали это и не скрывали отчаяния, потому что здесь, в чащобе, его не от кого было скрывать. Кроме, разве что, самих себя.

– Погоди... – прохрипел один, ухватившись рукой за дерево и шумно переводя дух. – Погоди... Я больше не могу.

Обессиленные пальцы соскользнули с влажного ствола, и человек, долговязый, худой, рухнул на мягкую мокрую землю. Второй, коренастый крепыш, тоже остановился возле дерева, оперся на ствол плечом. На другом плече у него висела спортивная сумка. Крепыш хотел ответить, но сразу не смог – не было сил.

– Ладно... – сказал он после паузы. – Устроим привал.

Он оттолкнул от себя дерево и тяжело опустился на землю. Около минуты оба молчали, пытаясь восстановить дыхание и силы. Их лица были почти черными от грязи, и на

этих черных лицах, как глянцевиные жуки, спрятавшиеся в извивах древесной коры, тускло поблескивали глаза.

Первым молчание прервал худой.

– Чекан! – хрипло окликнул он товарища.

– Чего? – устало отозвался тот.

– Чекан, кажется, мы ходим по кругу!

В голосе худого послышались нотки ужаса. Он смотрел на что-то – за спиной у крепыша.

Коренастый Чекан проследил за его взглядом и обернулся. Глаза его выкатились из орбит от изумления, когда он увидел разинутый, как пасть великана, зев заброшенной рудной шахты, чернеющий метрах в пятидесяти от него.

– Снова эта шахта! – с отчаянием, почти плача от беспомощности и страха, воскликнул долговязый. – Мы ходим по кругу! Черт!

Долговязый ударил кулаком по земле, на глазах у него заблестели слезы.

– Не скули, – хрипло осадил его Чекан. – Выберемся.

– Как? – всхлипнул долговязый. – Мы не жрали два дня! Сил больше нет!

– Говорю – не скули! Дай собраться с мыслями.

– А моя порезанная нога? – продолжил ныть худой. – Черт, да я и ста метров больше не пройду!

– Заткнись! – рявкнул Чекан.

Худой испуганно замолчал. Левая нога его была обмотана тряпками от ступни до колена. И тряпки эти стали черными

от грязи и засохшей крови. Наконец Чекан разлепил губы и проговорил:

– Жрать охота – сил нет. Аж перед глазами все плывет.

– Может, кору пожую? – тихо и сипло пробормотал худой. – Звери ведь жуют...

– Жевали уже, – Чекан поднял руку и посмотрел на часы. – Надо идти. Поднимайся.

Он встал первым. Потом протянул руку своему спутнику, а когда тот взялся, попытался поднять его с земли. Но худой разжал пальцы и снова рухнул на землю.

– А-а! – жалобно вскрикнул он, схватившись руками за перемотанную ногу.

– Тише! – грубо оборвал его Чекан. – Не ори!

– Бо-ольно, – проплакал худой. – Не могу идти. Даже стоять не могу.

Крепыш задумчиво посмотрел на вытянутую ногу худого.

– Ты же меня не бросишь? – испугался вдруг тот. – Чекан, ведь не бросишь?

– Не скули, не брошу, – сухо проговорил Чекан. Он перевел взгляд на черный зев шахты. Подумал о чем-то и сказал: – Где-то рядом должно быть жилье. По любому.

– Шахта-то старая, – унылым, дрожащим от сдерживаемых слез голосом возразил худой. – Может, ее уже лет пятьдесят никто не обслуживает. Тогда тут и людей нет.

Чекан хотел что-то ответить, но покачнулся, словно стал терять сознание, однако мгновенно взял себя в руки и, стис-

нув зубы, с силой провел ладонью по лицу, как бы сдирая паутину усталости.

– Ты... чего? – просипел худой.

– Слабость, – хрипло ответил Чекан. – Это от голода. – Он замолчал, еще немного подумал и сказал: – С сумкой мы до жилья не дойдем. Тяжело. Надо оставить деньги здесь.

– Здесь? – удивился худой.

– Да. Место приметное. Потом вернемся.

Худой посмотрел на крепыша с удивлением.

– Чекан, ты не понял, – тихо сказал он. – Дело не в сумке. Я не могу больше идти. Просто не могу, понимаешь?

Крепыш снова задумался.

– Оставить тебя одного я не могу, – проговорил он, поглядывая на худого странным, холодным взглядом. – Тебя здесь найдут. А не найдут, так зверюги слопают. И с собой я тебя взять тоже не могу.

– погоди... – губы худого задрожали, во взгляде промелькнул испуг. – Ты на что намекаешь?

Коренастый молча вынул из кармана нож и двинулся к худому.

– Ты чего?! – испуганно заорал тот. – Чего ты?

Чекан быстро опустился рядом с ним на колени. Выщелкнул из ножа лезвие и сказал:

– Прости, так будет лучше.

– Что...

Договорить худой не успел, Чекан ударил его ножом в ле-

вый бок, вогнав лезвие по самую рукоять. Затем выдернул нож. Хлынувшая из раны кровь блеснула в свете восходящей луны.

Несколько секунд Чекан смотрел на эту кровь обезумевшим от голода, звериным взглядом, а потом отбросил нож в сторону, резко нагнулся и приник к ране губами.

2

Восемнадцатилетняя Аня Родимова поставила чашку с чаем на стол и посмотрела на красивое, насмешливое лицо подруги Инги, сидящей напротив.

– Инга, я давно хотела тебе сказать... – она осеклась, подбирая слова, и чуть покраснела.

– Что? – подбодрила Инга, весело глядя на Аню из-под черной челки блестящими карими глазами.

– Я... благодарна тебе за нашу дружбу. – Аня откинула со лба белокурую прядку и договорила, чуть смущаясь: – До тебя у меня никогда не было подруг.

Инга насмешливо дернула уголком губ:

– Да ладно тебе.

– Нет, правда. Люди побаиваются мою бабушку, а заодно и меня считают какой-то... ненормальной.

– Ты нормальная, – заверила Инга. – И не слушай всяких дураков. А вот насчет твоей бабушки... – Она передернула острыми плечиками. – Знаешь, тут я полностью согласна с

нашей деревенщиной. Она ведь у тебя и правда ведьма. Скажешь нет?

– Ведьм не бывает, – с улыбкой сказала Аня. – Моя бабушка просто травница. Иногда, конечно, шепчет заговоры, но главное в ее лечении – травы. Она как доктор. Помогает людям, лечит их. И никакого колдовства тут нет.

– Да уж, лечит! – фыркнула Инга. – Кого лечит, а кого калечит. – Она глянула в окно избы и вдруг напряглась. – О, а вот и твоя бабушка идет. Легка на помине.

Инга залпом допила чай и поставила чашку на стол.

– Я пойду, – заторопилась она. – Твоя бабушка меня явно недолюбливает, а я не хочу искушать судьбу. Еще превратит меня в жабу!

Аня сдвинула брови и проговорила с досадой:

– Инга, подожди...

Но подруга уже вскочила из-за стола и кинулась к двери. Сунула ноги в туфельки, и тут дверь открылась. На пороге появилась бабушка Маула, бодрая, высокая, сухая семидесятилетняя женщина, которую, несмотря на глубокие морщины, трудно было назвать старухой. Голубые глаза ее блестели чистым, ясным светом, большой рот был строго сжат, а реденькие брови навсегда сошлись над переносицей.

– Здравсьте, баб Маула! – быстро проговорила Инга, махнула Ане рукой и ужом скользнула мимо бабушки.

Старая Маула вошла в избу и прикрыла за собой дверь. Аня поднялась со стула и собрала грязные чашки, ложки и

вазочку из-под клубничного варенья. Маула сняла галоши и протопала в толстых шерстяных носках к дивану. Присела, устало перевела дух. Посмотрела, как Аня хлопчет возле умывальника.

– Я хотела с тобой поговорить, – сказала старая Маула внучке.

Голос у нее был негромкий, но глубокий, властный. Аня обернулась.

– Бабушка, может, не сейчас? Я еще посуду не домыла.

– Посуда подождет. Присядь.

Бабушка легонько ударила ладонью по дивану рядом с собой. Аня вытерла руки о передник, подошла к дивану и присела рядом с бабушкой.

– Ну? – мягко проговорила она.

– Тебе уже восемнадцать лет, – изрекла бабушка таким тоном, будто выносила приговор. – Ты вполне взрослая, чтобы зарабатывать деньги.

– Как раз об этом я с тобой и хотела поговорить! – с жаром начала Аня. – Инга обещала со мной позаниматься. По биологии и химии. И если я в следующем году поступлю в медицинский...

– Ты должна унаследовать мою профессию, – веско произнесла старая Маула.

Аня растерянно замолчала. Хлопнула ресницами и осторожно возразила:

– Бабушка, то, чем ты занимаешься, не профессия.

– Я лечу людей и получаю за это деньги, – тем же веским, не терпящим возражений голосом сказала бабушка. – Значит, это моя профессия.

Аня открыла было рот, чтобы снова возразить, но бабушка ее остановила:

– И не спорь! Тебе всего восемнадцать лет, а в восемнадцать лет все девушки – дурочки.

Аня хмыкнула и, иронично покосившись на бабушку, поинтересовалась:

– А в семьдесят?

– В семьдесят женщина обретает вторую зрелость, – объявила Маула.

Аня вздохнула. Она знала: если бабушка что-то вбила себе в голову, переупрямить ее трудно, почти невозможно. Если идти напролом. А вот если применить хитрость и мягкость...

– Бабушка, – с улыбкой проговорила Аня, – я знаю все о твоих травах. Я с самого детства рядом с тобой. Все слышала и все видела. И травы собирала вместе с тобой. И заговоры за тобой повторяла. Разве плохо будет, если я получу медицинское образование? Представь себе, какой хорошей врачевательницей я стану!

– Чушь, – сказала старая Маула. – Ничему хорошему тебя в твоих институтах не научат. А вот я – научу.

– Но...

– И не перечь! – повысила голос бабушка. – В общем, так.

Сейчас ко мне придет Матвеевна. Ты знаешь, от чего она страдает. Грудью слаба и дышит с хрипотцой. Полечишь ее сегодня вместо меня. А я рядышком посижу да посмотрю, как ты справляешься. Ежели понадобится – советом пособлю. Если все получится, то так мы и будем дальше действовать. Ты лечишь – я приглядываю. Через год к тебе весь поселок будет ходить, попомни мое слово.

Аня вздохнула, но возражать не стала.

3

Матвеевна, черноволосая, сухая, как палка, шестидесятилетняя женщина, к новым правилам отнеслась настороженно.

– Это что ж? – приподняла она брови, увидев, что подле нее села Аня, а не старая Маула. – Твоя внучка тоже стала лечить?

Бабушка улыбнулась:

– Вот, пытаюсь ее учить. А у нее голова другим забита. Да ты, Матвеевна, не тревожься. Я рядом буду сидеть и наставлять ее. Снимай кофту-то.

Матвеевна недоверчиво посмотрела на Аню. Аня в ответ простодушно улыбнулась и намеренно глуповато похлопала ресницами. (Она надеялась, что этот «сеанс» будет первым и последним, поскольку, увидев, что она ни на что не годится, бабушка оставит, наконец, ее в покое.)

Между тем Матвеевна стащила с себя кофту и, оставшись в одной рубашке, выжидательно посмотрела на старую Маулу.

– Приложи ладони к ее груди, – распорядилась бабушка. Аня сделала, как она велела.

– А теперь прикрой глаза. Вот так. И попробуй увидеть ладонями.

Аня послушно закрыла глаза. Бабушка некоторое время выждала, а затем сказала:

– Прислушайся. Слышишь, как бьется сердце?

– Слышу.

– А теперь попробуй услышать шорох крови, которая течет по ее жилам.

Аня попробовала услышать «шорох крови», но у нее ничего не вышло. Лишь глуховато колотилось сердце Матвеевны, запертое в костяной клетке.

– Я не слышу, бабушка.

– Тихо. Сосредоточься.

Аня вздохнула и сделала вид, что сосредоточилась. Прошла секунда, другая, потом еще одна, и еще... И вдруг Аня явственно ощутила ладонями что-то вроде легкой вибрации, сопровождающейся тихим, едва различимым шелестом.

– Кажется... я слышу, – удивленно проговорила она.

– Молодец, – одобрила бабушка. – Ты слышишь ее кровь. А теперь услышь свою. Ну же. Сосредоточься.

Прошло еще полминуты, и вдруг Аня явственно ощутила

присутствие еще одной теплой вибрации, и эта вибрация исходила от нее самой.

– Слышу, – сказала Аня чуть севшим от волнения голосом. – Бабушка, я слышу!

– А теперь представь, что две реки слились в одну. И ты слышишь шум одного потока. И можешь им управлять.

Голос старой Маулы звучал гипнотически, и Аня, не в силах ему противиться, напрягла все пять органов чувств, пытаясь услышать, уловить то, о чем говорила бабушка.

И что-то начало происходить. В абсолютной темноте, стоявшей перед зажмуренными глазами Ани, мерцали какие-то всполохи, подобные тусклым разноцветным молниям. Потом она услышала что-то вроде отдаленных раскатов грома. Затем тьма перед глазами стала наполняться бликами, тенями, шорохами, и наконец Аня с удивлением поняла, что видит перед собой вечерний лесной пейзаж. Поднявшийся ветер прокатился по кронам деревьев, плеснул в лицо влажным холодом.

– Как свежо, – тихо сказал кто-то.

Аня повернула голову и увидела Матвеевну. Женщина стояла рядом с Аней, держа ее за руку. Аня облегченно улыбнулась, поняв, что оказалась не одна в этом сумрачном лесу, но спустя секунду улыбка покинула ее губы – она поняла, что женщина выглядит как-то странно. Матвеевна была очень бледна, и на этом бледном, скорее даже белом лице черными дырами выделялись глазные впадины. И тут Аня

явственно ощутила, что пальцы у Матвеевны холодные, как лед. Она хотела отдернуть руку, но твердые ледяные пальцы сжали ее ладонь сильнее.

– Матвеевна... – взмолилась Аня.

– Тихо! – хрипловато перебила та, продолжая вглядываться в лесной сумрак. – ОН тебя услышит.

– Кто услышит? – не поняла Аня. – О ком ты говоришь?

Женщина не ответила, продолжая напряженно вглядываться в темноту. Где-то в невидимой, черной глубине леса заплакал ребенок. И одинокий детский голосок прозвучал так неожиданно и странно в этом страшном сновиденном лесу, что Аня испуганно вздрогнула.

– Матвеевна, вы слышали? – дрогнувшим голосом спросила она. – Ребенок плачет.

– Да, – так же тихо отозвалась Матвеевна. Она медленно повернула к Ане свое белое лицо и добавила странным голосом: – Это *твой* ребенок.

Сердце Ани учащенно забилося.

– Что вы, Матвеевна, – с натянутой улыбкой проговорила она. – У меня нет ребенка. Мне всего восемнадцать. Мне еще рано.

Матвеевна посмотрела на нее бесстрастным взглядом, усмехнулась и снова перевела глаза на лес. И вдруг стала тихо напевать:

– Миром позабытый мелкий городок,

В нем сотни лет одно и то же:
Толпы горожан, чей срок давно истек,
Снуют, на призраков похожи...

Аня глядела на Матвеевну с изумлением и страхом. А та продолжала напевать тихим сипловатым голосом:

– И нет эмоций никаких,
Лишь память направляет их...
Заполонили улицы
Живые мертвецы...

Аня хотела спросить, что это за страшная песня, но тут ее внимание привлекло какое-то движение в ночном сумраке. Девушка вгляделась в темноту и увидела двух собак. Обе были черные, но не по масти, а, скорей, от облепившей их грязи. Одна собака лежала на земле, тихо поскуливая и высунув язык. Из раны у нее в боку текла черная мерцающая кровь. Вторая собака стояла рядом и с жадностью слизывала эту кровь, но слизать успевала не все, часть вытекшей из раны крови достигла земли и потекла по ней тонкой струйкой, как черная мерцающая змейка. Огибая кочки, ручеек крови побежал к бурому, поросшему вялой травой холму с черной дырой в середине.

«Заброшенный рудник!» – вспомнила вдруг Аня, и сердце ее забилося еще сильнее из-за неприятных ассоциаций, связанных с этой старой шахтой.

Ручеек тем временем достиг черной дыры и исчез в недрах холма. И тут что-то произошло: Ане показалось, что черная тьма провала ожила, зачавкала, поглощая кровь, отозвалась зловонным звериным дыханием. Это продолжалось несколько секунд, а затем резко оборвалось, словно черный холм замер, почувствовав на себе взгляды посторонних глаз. А потом холм вздрогнул и зашевелился, словно голова гигантского чудовища медленно поворачивалась к Ане и Матвеевне.

– *НЕ СМОТРИ НА НЕГО!* – отчетливо прозвучал в голове у Ани бабушкин голос.

Аня вздрогнула от неожиданности. А потом с усилием отвела взгляд от черной плотоядной дыры. Она увидела Матвеевну. Женщина заворуженно, вытаращив глаза и приоткрыв рот, словно загипнотизированная чужой враждебной волей, смотрела в черный провал шахты.

– Матвеевна! – позвала Аня дрогнувшим от страха голосом. – Матвеевна, не надо!

Но женщина не слышала ее; должно быть, она слышала ДРУГОЙ ГОЛОС, беззвучный, но властный и непреодолимый.

– *СЮДА!* – приказал этот голос. – *ПОДОЙДИ КО МНЕ!*

Матвеевна тронулась с места и сделала робкий шаг по направлению к черному провалу.

– Матвеевна! – снова окликнула Аня. – Я тебя сюда привела! И мы уйдем отсюда вместе!

Она протянула руку, чтобы схватить Матвеевну, забрать из этого страшного леса, увести подальше от заброшенной шахты.

– *ПРО-О-ОЧЬ!* – взревел страшный хор голосов.

И в тот же миг чудовищная сила взметнула Аню в воздух и отшвырнула от Матвеевны. Больно ударившись о землю, девушка успела увидеть, как Матвеевна, пошатываясь, зашагала к шахте, а затем – проснулась.

* * *

Бабушка выжала мокрое полотенце в тазик с водой и повернулась к Ане. Увидела, что та открыла глаза, и тревожно спросила:

– Как ты себя чувствуешь?

Маула внимательно и хмуро вглядывалась в ее лицо, и от этого Ане стало совсем не по себе.

– Как-то... не очень, – честно призналась она и поморщилась. – Виски ломит. И слабость.

Старая Маула обтерла полотенцем ее лоб, щеки.

– Бабушка, что со мной случилось? – сипло, с испугом спросила Аня. – Почему я в постели? Где Матвеевна?

– Прежде всего успокойся, – сказала Маула. – Ничего страшного не случилось.

– Что-то пошло не так, да? – дрогнувшим голосом произнесла Аня. – Скажи мне, что случилось?

– Ты потеряла сознание.

Аня села на диване., огляделась и вдруг поняла, что пациентки в комнате нет.

– А что с Матвеевной? Где она?

Бабушка, не глядя Ане в глаза, сухо ответила:

– Она ушла.

Аня всмотрелась в лицо бабушки, и лицо это показалось ей встревоженным и испуганным.

– Почему-то мне кажется, что Матвеевне плохо. Очень плохо. Что с ней, бабушка? Скажи мне правду.

Старая Маула посмотрела на Аню и попыталась ободряюще ей улыбнуться.

– Матвеевна увидела, что ты потеряла сознание. Хотела помочь, но я отправила ее домой. Ватку с нашатырем я и без нее к твоему носу могу поднести.

Аня с сомнением нахмурилась.

– Бабушка, ты меня не обманываешь?

– Нет, милая. И хватит об этом. Лучше расскажи мне, что за сон тебе приснился?

– Я видела лес, – начала припоминать Аня. – И еще двух собак. Одна была ранена. Из ее раны капала кровь...

Девушка, задумавшись, замолчала.

– Дальше, – поторопила Маула. – Что ты еще видела?

– Кровь из раны собаки добежала до заброшенный шахты... Помнишь ее? Ты еще говорила, что там нехорошие места.

– Зброшенный рудник?

Аня кивнула:

– Да.

Бабушка нахмурилась.

– Что было дальше? – спросила она негромко и тревожно.

– Шахта... Она будто бы проснулась. И стала пить кровь...

Как зверь. Бабушка, а с Матвеевнoй точно все хорошо?

– С ней все в порядке, – отмахнулась Маула. – Значит, старая шахта проснулась? Ожила? Так ты все это увидела?

Аня неуверенно пожала плечами.

– Да... Вроде бы. А что?.. Бабушка, ты меня пугаешь.

Старая Маула чуть качнула головой, прогоняя мрачную задумчивость, затем снова ободряюще улыбнулась Ане, однако улыбка вышла вымученной и напряженной.

– Ладно, – бабушка вздохнула. – Тебе нужно подкрепитьсь. Давай ужинать.

Маула поднялась с дивана.

– Бабушка, – негромко окликнула ее Аня.

– Что?

– Я не хочу быть травницей. Не хочу шептать заговоры. Не хочу, чтобы меня считали колдуньей... как тебя! Прошу тебя, бабушка, не заставляй меня больше этого делать!

Старая Маула провела ладонью по морщинистому лицу, словно сметая с него паутину. Потом сказала:

– Поступай, как знаешь. Мне жаль, если мое умение умрет вместе со мной. Но если этому суждено случиться – пусть

случится.

Маула отвернулась и пошла к буфету.

4

У Юры Сулова, которого друзья обычно звали просто Сусликом, с утра было паршивое настроение. Прежде чем выбраться из своего старенького «жигуленка»-«копейки», он взял из пакета, лежащего на соседнем сиденье, банку пива «Балтика», открыл ее и, запрокинув голову, принялся пить большими, жадными глотками.

Суслику было двадцать два года. Из них восемь с половиной он прожил у Матвеевны. Он никогда не называл ее мамой, только Матвеевной или тетей Таней, однако в глубине души считал ее своим единственным родственником, если не матерью, то уж точно кем-то вроде тетки...

Восемь лет назад Матвеевна приютила его, когда он, потерявший родителей, позабытый и брошенный родственниками, слонялся по поселку, обезумев от горя и голода. Юра не помнил, что случилось с его родителями, поскольку в тот роковой вечер нанюхался клея с двумя друзьями-приятелями, а потом «догнался» бутылкой паленой водки. Следствие установило следующее. Приятели Суслика, проголодавшись, стали обшаривать квартиру в надежде раздобыть какой-нибудь «хавчик». Но вместо холодильника почему-то полезли в шкаф. Где молодые раздолбаи наткнулись на мамину шка-

тулку с украшениями.

В тот момент, когда они принялись распахивать украшения по карманам, в квартиру вошли родители Юры. В точности не известно, что у них там приключилось. Скорей всего, мать, увидев, как двое «обдолбышей» опустошают ее шка-тулку, завопила, отец бросился на них и попытался вернуть украденное, однако парни не согласились с таким раскладом и принялись бить отца и мать тяжелой шкатулкой. И делали это, пока не забили насмерть.

Потом юные убийцы сбежали из квартиры и попробовали впарить украденные кольца и цепочки прохожим на желез-нодорожном полустанке. Те вызвали ментов, менты приеха-ли и попытались задержать правонарушителей, парни стали сопротивляться, и менты застрелили их «при задержании». Вот такая вот история.

Юра решил жить один, но спустя еще несколько дней вы-яснилось, что квартира его родителей была заложена бан-ку «Строй-Ист-Кредит». Так Юра-Суслик остался не только без родителей и друзей, но и без дома. И неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы Матвеевна не подобрала его, обнюхавшегося клеем, на улице и не привела к себе домой.

...Пиво закончилось. Юра опустил банку и смачно рыг-нул. Затем вышел из машины и захлопнул дверцу. Смял алю-миниевую тару в руке и швырнул в железный бак, стоящий у гаража вместо урны.

Потом посмотрел на дом. Дом был старый, но простор-

ный. Вот если бы Матвеевна померла, а ее дом достался Юре в наследство... Но рассчитывать на это особо не приходилось. Хоть старуха и жаловалась на миллион болезней, но для своих шестидесяти с гаком выглядела вполне крепкой.

Юра осадил себя.

«О чем я думаю? – с удивлением пробормотал он. – Откуда эти бредовые мысли?»

Суслик передернул плечами и решительно вошел в дом.

...Матвеевна сидела на диване перед включенным телевизором. На плечах – цветастый платок, на ногах – теплые шерстяные «чуни». Звук у телевизора был выключен, а на экране большой пятнистый хищник, притаившись в высокой траве, выслеживал стадо антилоп. Юра посмотрел на седоватый затылок Матвеевны и вдруг подумал о том, что этот затылок очень хрупкий. И если взять со стола тяжелую керамическую вазу и ударить этой вазой посильнее...

«Да что со мной?!» – с изумлением подумал Суслик.

Он потряхнул головой, прогоняя странные и страшные мысли, которые прежде никогда не водились у него под черепной коробкой.

– Матвеевна, не знал, что ты любишь передачи про животных! – весело сказал он.

Пятнистый хищник на экране выскочил из засады и бросился на антилопу. Повалил ее в пыль и вцепился зубами в горло. Из разорванной артерии хлынула кровь.

– Матвеевна! – Юра подошел к своей благотельнице и

положил ей руку на плечо. – Теть Тань!

Матвеевна медленно обернулась и посмотрела Юре в лицо. Глаза ее были пусты, словно перед ней сидел не живой человек, а огромная кукла.

– Теть Тань, ты чего?

Матвеевна вдруг вскинула руки и, резко подавшись к Юре, вцепилась ему пальцами в шею.

– Да ты чего! – завопил он.

– Ты помечен! – прошипела Матвеевна. – Поме-еч-е-ен!

Суслик с трудом оторвал от себя холодные пальцы тетки. Отпрыгнул в сторону и, выпучив на Матвеевну глаза, возмущенно и испуганно заорал:

– С ума сошла?! Ты же меня чуть не задушила!

Матвеевна еще пару секунд молча смотрела на Юру, а потом вдруг раскрыла рот и захохотала. И от смеха этого волосы у него на голове привстали, а по спине пробежала ледяная волна. Казалось, смеялся только рот Матвеевны, потому что глаза по-прежнему были пусты.

Юра, сам того не замечая, нашарил на комодке керамическую вазу. Матвеевна вдруг перестала смеяться. Она отвернулась от Юры и снова вперила взгляд в экран телевизора, на котором пятнистый хищник рвал клыками брюхо поверженной антилопы.

Юра увидел в своей руке вазу.

– *ВСЕГО ОДИН УДАР, И ТЫ ХОЗЯИН СВОЕЙ ЖИЗНИ!*

– Что? – дрогнувшим голосом спросил он. И завертел го-

ловой, словно ожидая увидеть в комнате кого-то постороннего. Но, кроме него и Матвеевны, рядом никого не было. Юру прошиб холодный пот.

– Да что же это... – с тоской и досадой пробормотал Юра.

Он поставил вазу обратно на комод, вымученно хмыкнул и проговорил, обращаясь к Матвеевне:

– Ну, тетя Тань... Шуточки у тебя.

– Затопи печь, – произнесла вдруг Матвеевна ровным, чуть глуховатым голосом. Поежилась и добавила после паузы: – Холодно.

– Хо... хорошо, – чуть запинаясь, ответил Юра, снова глядя на ее затылок.

На экране телевизора несколько гиен, отогнав леопарда, с рычанием и жутким лаем-хохотом рвали на куски плоть антилопы.

– ОДИН УДАР! ВСЕГО ОДИН УДАР! ЭТО ЖЕ ТАК ПРОСТО!

Суслик с усилием отвел взгляд от затылка Матвеевны. Быстро подошел к двери и снял с гвоздя топор. На пару секунд остановился, взвешивая его в руке и со странным выражением косясь на Матвеевну, затем чертыхнулся и вышел из дома.

5

Хозяин городской лесопилки, гостиницы и станции тех-

обслуживания Игнат Борисович Соболев сидел за широким столом, сдвинув брови и пронзительно глядя на сына. Двадцатилетний Егор Соболев стоял перед отцом навтыжку, как солдат перед генералом.

Отец и сын были похожи. Игнат Борисович – грузный, ширококостный, с властным лицом, пересеченным несколькими резкими морщинами. Одет в дорожный костюм, седоватые волосы аккуратно зачесаны назад.

Егор Соболев – двухметровая конопатая орясина с плечами, о которые можно гнуть рельсы. Волосы острижены под машинку, в серо-голубых глазах – затаенная усмешка. Егор три месяца как вернулся из армии. За это время он уже дважды попадал в милицкий «обезьянник» за драку, но оба раза отец сумел спустить дело на тормозах.

Чуть в стороне, в креслице, пристроился Алексей Еременко, лысый, очкастый тридцатилетний парень в строгом костюме, с умным лицом и двумя высшими образованиями в заглавнике.

Игнат Борисович метнул в сына грозный взгляд из-под сдвинутых бровей и раздраженно произнес:

– Егор, ты думаешь, мне легко каждый раз тебя вытаскивать?

– Нет, – буркнул в ответ Егор.

– Что? Не слышу!

– Нет, не легко, – повторил Егор. Вдохнул и добавил: – Пап, я все осознал. Правда. Я больше не буду никого зади-

рать. Я решил образумиться.

Глаза Соболева-старшего подозрительно сузились. Он погрозил сыну толстым пальцем и сказал с угрозой:

– Если еще раз мне позвонят по твоему поводу из милиции, я выгоню тебя из дома. Будешь сам искать деньги себе на пропитание.

– Ну и найду, – тихо проговорил Егор.

– Что? – нахмурился Игнат Борисович. – Повтори, что ты сказал!

Пару секунд отец и сын смотрели друг другу в глаза. Егор отвел взгляд первым. Игнат Борисович откинулся на спинку кресла.

– Будем считать, что мы поняли друг друга, – грозно сказал он.

Егор пару секунд помолчал, потом снова посмотрел отцу в лицо и вдруг спросил:

– Хочешь, чтобы я перестал валять дурака?

– Хочу ли я этого? – Лицо Соболева-старшего посуровело. – Да я только об этом и говорю! Или все мои слова для тебя – пустой звук?

– Нет, не пустой. Пап... – голос Егора дрогнул. – Одолжи мне денег, чтобы я начал собственный бизнес. Я тебя не подведу. И через пару лет верну все до копейки. С процентами.

Игнат Борисович неодобрительно посмотрел на сына.

– Я предложил тебе работу на своей фирме, – сухо сказал он. – Ты до сих пор ничего мне не ответил.

– Я не хочу пахать на твоей фирме! Я хочу сам! Понимаешь – сам!

– Чтобы открыть собственное дело, нужно учиться! Получить образование. Поступить в Оксфорд или Кембридж. На худой конец в МГУ. И окончить его. Желательно с отличием!

– Кембридж-хренбридж, – едва ли не брезгливо пробормотал Егор. – Сам-то ты много университетов окончил?

– Тогда было другое время.

– Времена всегда одинаковые. Ты сам мне об этом много раз говорил.

Игнат Борисович помолчал, хмуро глядя на сына.

– Ладно, – жестко произнес он. – Доказывать я тебе больше ничего не буду. Денег не дам.

Губы Егора обиженно дрогнули.

– Пап, ты не понимаешь...

– Не дам! – повторил отец. – Но двери моей фирмы для тебя всегда открыты. Захочешь – приходи. Поработаешь с полгодика мастером заготовительного цеха. Ты с этим справишься. Потом сделаю тебя заместителем департамента. Ну, а еще через полгода...

– Да, папа, – с сухой усмешкой перебил Егор. – Так точно, папа. Я все понял, папа.

Еременко, все это время молча наблюдавший за спором отца и сына, незаметно ухмыльнулся. Это не укрылось от взгляда Игната Борисовича. Он недовольно зыркнул на помощника и раздраженно пробасил:

– Тебе смешно?

– Простите. – Лысый помощник мгновенно стер ухмылку с губ и соорудил покорное и внемлющее выражение лица.

Соболев-старший снова перевел взгляд на сына.

– Ступай, юморист, – глухо произнес он.

Егор по-солдатски вскинул руку к виску и ернически отчеканил:

– Слушаюсь, сэр!

И по-солдатски повернулся кругом.

– Да, и осторожнее там со своими дружками, – сказал вдруг Игнат Борисович. – В лес не суйтесь.

Егор обернулся и удивленно проговорил:

– Чего это?

– Четыре дня назад в Зеленодольске двое грабителей подломили фургон инкассаторов, – пояснил Соболев-старший. – Говорят, грабители ушли в лес. Больше их никто не видел.

– Так это в восьмидесяти километрах от нас, – заметил Егор. – А по трассе так все сто двадцать. Они бы досюда ни в жизнь не добрались.

– Кто знает, – неопределенно проговорил Игнат Борисович. – Ладно, иди.

Соболев-старший опустил взгляд на деловые бумаги, разложенные на столе. Егор было отвернулся, но снова взглянул на отца.

– А сколько они взяли? – поинтересовался он.

– Что? – не понял Игнат Борисович, отрывая взгляд от документов.

– Ну, эти, грабители. Сколько они взяли?

Отец наморщил лоб.

– Не помню. Что-то немного. Миллиона два или три.

– Долларов?

– Рублей. А что?

– Ничего. Просто полюбопытствовал.

Егор отвернулся и вышел из кабинета отца.

– Своенравный у вас сын, Игнат Борисович, – негромко прокомментировал помощник Еременко. И добавил с улыбкой: – Похож на вас.

– Да уж, – невесело отозвался Игнат Борисович. – Ладно. Давай вернемся к делам. О чем мы там с тобой говорили?

– О развлекательном центре.

– И что ты об этом думаешь?

Еременко поправил пальцем очки и сказал:

– Объект, конечно, хороший. Но терок с лисицынскими бандюганами не избежать. Они захотят свою долю.

– Да, – задумчиво проговорил Игнат Борисович. – Захотят. Жора Лисицын дикарь. Неандерталец. Он все еще живет по законам девяностых. Хотя времена давно изменились.

Соболев-старший задумался, постукивая по столешнице крепкими массивными пальцами.

Еременко подождал, не скажет ли босс еще что-нибудь, а потом мягко предложил:

– Игнат Борисович, а может, не будем ввязываться в ссору? Встретимся с Лисицыным, проведем цивилизованные переговоры, разграничим сферы влияния. Предложим ему хороший процент...

– Советуешь мне прогнуться под Лиса? – грозно прорычал вдруг Соболев. – И это после всего, чего я добился? Поднять белый флаг после всех моих побед? Перед раздавленным противником?

– Когда-то вы сотрудничали, – осмелился возразить помощник. – И я бы не сказал, что Лис раздавлен. Он еще силен. И если мы его кинем, он будет нам мстить.

– Пусть мстит, – сказал Игнат Борисович. Усмехнулся и добавил: – Тем проще мне будет его добить. А теперь давай обсудим более важные и насущные дела.

6

Из офисного здания отца Егор Соболев вышел в мрачайшем расположении духа. Он чувствовал не только злость, но и обиду. Уж кто-кто, а отец должен был его понять. Сам-то давно ли заделался респектабельным бизнесменом?

Егор хорошо помнил, как всего несколько лет назад отец вообще не выходил из дома без пистолета. А теперь укоряет Егора за то, что тот пересчитал ребра какому-то придурку. Ну, где здесь справедливость?

Как всегда, не вовремя под руку подвернулась сестра Ин-

га.

– Ну что? – со своей вечной коварной полуусмешечкой спросила она. – Досталось тебе от папика?

– Отстань, – мрачно огрызнулся Егор.

Инге Соболевой было восемнадцать, но благодаря густому и хищному макияжу выглядела она на пару-тройку лет старше. Уже с пятнадцати корчила из себя роковую, все испытавшую женщину. Но если до того, как Егор ушел в армию, у нее была просто смазливая мордочка амбициозной девчонки, то теперь эта мордочка превратилась в холодноватую физиономию стервозной красавицы.

– Зря ты с ним ссоришься, – сказала Инга. – Пока ты был в армии, здесь многое изменилось. Папик перекрасился в бизнесмена, а ты сдираешь с него эту краску.

Егор усмехнулся:

– Краску.

– Да, краску. А ведь она и так едва держится.

Егор смерил сестру угрюмым взглядом и сухо посоветовал:

– Заведи себе мужа. И поучай его с утра до вечера, пока он тебе шею не свернет.

– Я не собираюсь замуж, – парировала Инга. – Я свободная женщина и предпочитаю свободные отношения с мужчинами.

– Угу, я в курсе, – Егор хмыкнул. – Моя сестра – шлюшка. Нашла чем хвалиться.

– Глупо, – спокойно заметила Инга. – У тебя наверняка было много женщин, но себя ты шлюшкой не называешь.

– Я мужчина, мне можно. А когда женщина таскается по мужикам, ее обычно называют шлюшкой.

Инга холодно улыбнулась.

– Братик, ты мыслишь устаревшими категориями. А будешь меня оскорблять – расскажу Аньке Родимовой, какой ты урод. Она тебя тогда на порог не пустит.

Егор хмуро посмотрел на сестру.

– Она не будет тебя слушать.

– Еще как будет! Ведь теперь мы с ней подруги. Кстати, ее бабушка-колдунья тебя терпеть не может. Пожалуюсь ей на тебя, и она превратит тебя в крысу. Хотя... – Инга легонько пожала плечами, – ты и так на человека мало похож.

– Дай пройти!

Егор грубо отодвинул сестру в сторону и зашагал прочь от офиса. Инга посмотрела ему вслед и проговорила со смесью снисходительности и презрения:

– Дурак.

На самом деле никакого «богатого прошлого» у Инги не было, и в постель с мужчиной – вопреки слухам – она никогда не ложилась. Маску порочной и холодной женщины-вампи она натянула на себя только в качестве маскировки, призванной отпугнуть неудачников и идиотов, навроде тех дурней, с которыми обычно шатался по улицам поселка ее брат Егор. Все, чего Инга хотела от жизни, это встретить

нормального парня с классным характером и тугим кошельком. Выйти за него замуж и укатить из этого поганого поселка к черту на кулички!

Да только где ж его встретишь – в этой-то глуши?

Инга вздохнула. Достала из кармана мобильник, украшенный черепом из страз, набрала номер подруги и прижала трубку к уху.

– Алло... – сказала она в трубку. И тут же сбилась. – Ой, а кто это? Баб Маула, вы? А где Аня? Чем заболела? Нервы? – Инга нахмурилась. – Ясно. Передайте ей, что я скоро зайду, ладно?

Инга убрала трубку в карман и задумчиво сдвинула брови. Анька Родимова больна. Ну надо же! Куда, спрашивается, смотрела ее колдунья-бабка? Дала бы ей, что ли, какую-нибудь полезную травку, нашептала бы что-нибудь на ушко – и дело в шляпе.

Выходит, не так уж всеильна старая ведьма, как о ней говорят.

Инга усмехнулась своим мыслям и посмотрела на свое отражение в темном стекле офиса. А потом весело ему подмигнула.

Между тем, дверь офиса открылась, и на крыльцо вышли трое: Соболев-старший, его помощник Еременко и дюжий телохранитель Иван.

– Подготовь бумаги по развлекательному центру, – распорядился Игнат Борисович, обращаясь к помощнику.

Тот кивнул:

– Хорошо, Игнат Борисович, сделаю.

Увидев Ингу, Соболев-старший приветливо улыбнулся:

– Привет, дочка!

– Привет, пап!

Отец спустился по лестнице, остановился возле Инги и поцеловал в подставленную щеку.

– Слышала, наш Егор опять отличился, – иронично проговорила Инга.

Соболев-старший нахмурился.

– Да уж, – хмыкнул он.

Инга приобняла отца за талию.

– Пап, ты все еще хочешь ввести этого балбеса в свой бизнес?

– А что?

– Он тебе все испортит. Слушай, пап, а почему бы тебе не взять на работу меня? Мне уже восемнадцать.

Соболев улыбнулся и мягко проговорил:

– Дочка, я тебя люблю. И не хочу, чтобы ты портила себе жизнь. Девушка твоего возраста должна веселиться и получать новые впечатления.

– Я могу получить их, работая на тебя, – с улыбкой возразила Инга.

– Ты хочешь, чтобы я законопатил тебя в офис и заставил улыбаться на встречах с ублюдками? – Отец покачал головой. – Ну уж нет. Поживи в свое удовольствие. А годика че-

рез два-три поглядим. Прости, дочка, мне пора.

Он снова поцеловал Ингу в щеку, а затем зашагал к припаркованному неподалеку «Мерседесу». Инга поймала на себе взгляд лысого помощника отца – Лешки Еременко.

– Чего уставился? – грубо спросила она.

– Ничего, – Еременко улыбнулся. – Мне нравится, и смотрю.

– Смотри на кого-нибудь другого.

– Ладно. Как скажешь.

Еременко тихо засмеялся и двинулся к своей старенькой «Мазде». Инга проводила его неприветливым взглядом. (Еременко никогда ей не нравился, Инга считала, что лысый помощник похож на хитрого шакала, который прислуживает тигру, но лишь до тех пор, пока тот здоров и силен. Случись с тигром беда – и этот шакаленок первым его предаст.)

При мысли о предательстве в сердце Инги как будто кольнуло. Она посмотрела вслед отъезжающему «Мерседесу» отца. И тут же испытала странное чувство – словно увидела огромную тень, пролетевшую над машиной и коснувшуюся ее своим черным крылом.

Впрочем, уже через секунду неприятное ощущение покинуло Ингу.

«Глупости! – сказала она себе. – Ничего с отцом не случится. Скорей уж с Егором, чем с отцом. Отец очень осторожен и умен, он никогда не сделает опрометчивого шага и не допустит, чтобы с ним случилась беда».

Успокоенная, Инга поправила на шее легкий шарфик, повернулась и зашагала прочь от офиса.

7

Двадцатью минутами позже Егор Соболев стоял на улице под только что зажегшимся фонарем в компании двух своих закадычных друзей – Юрки Суслова и Игоря Фролова.

– Есть чего покурить? – спросил Егор.

– Наши сгодятся? – Долговязый рыжеволосый Фрол протянул пачку.

Егор вынул сигарету, вставил в губы и прикурил от подставленной Фролом зажигалки. Фрол и Суслик тоже закурили. Фрол, так же как Егор, недавно вернулся из армии, а потому ощущал себя кем-то вроде «откинувшегося на волю зэка», наслаждающегося свободой. Суслик в армии не служил, помешало наркоманское прошлое, и немного из-за этого комплексовал.

– Ты чего такой напряженный? – спросил Егора Фрол.

– Да мой старик опять наезжает, – с досадой ответил тот.

– Папаша у тебя крутой, – сказал Суслик. – Крученный-верченый!

– Я и сам не пальцем сделанный, – огрызнулся Егор.

Суслик примирительно улыбнулся. А Фрол заметил:

– Говорят, у твоего бати какие-то терки с лисицынскими.

Правда или врут?

Егор не ответил. Вынул из кармана бумажник, достал пару купюр и сунул Суслову:

– Суслик, сгоняй за пивом.

Юра кивнул, взял деньги, отшвырнул окурок и быстро зашагал к продуктовому магазину. Ожидая его, Егор и Фрол выкурили еще по сигарете, рассказывая друг другу армейские байки. Вскоре Суслик вернулся с тремя банками пива. Друзья открыли их, чокнулись и выпили по паре глотков.

– Куда сегодня кинем кости? – поинтересовался Суслик.

Егор не ответил, лишь сделал еще один глоток из банки и облизнул губы.

– Может, махнем за овраг, поймаем кого-нибудь из лисичинских и наваляем ему? – предложил Фрол. – Раз уж твой батя с ними в контрах.

– Нет, – Егор зевнул. – Скучно.

– Тогда пошли на текстильную фабрику, – предложил Суслик. – Снимем пару телочек и завалим на матрас.

– Прошлая телка подала на нас заяву в ментовку, – угрюмо сказал Егор. – А если меня опять посадят в «обезьянник», батя меня из дома выгонит.

Суслик неодобрительно шмыгнул носом.

– Чего ж теперь, жить на полусогнутых? – риторически спросил он. – Пить лимонад и трахать толстых вдовушек?

Егор и Фрол посмотрели на него с иронией. Суслик чуть смутился.

– Ладно, – Егор Соболев допил пиво и швырнул банку в

мусорный бак, стоящий на обочине грунтолки. – Пошли про-
швырнемся по поселку.

– И то дело! – Фрол тоже допил пиво и тоже бросил бан-
ку в мусорный бак, но не рассчитал, и она упала в большую
канаву за баком.

Егор и Фрол повернулись в сторону центра поселка.

– Подождите! – насторожился вдруг Суслик.

– Чего еще? – спросил Фрол.

Суслик поднял указательный палец и тихо проговорил:

– Кажется, я что-то слышал.

Парни прислушались.

– Ничего не слышу, – сказал Фрол после паузы. – Тебе,
наверное, показало...

– Подожди! – Суслик снова поднял палец. – Вот опять.
Как будто кто-то стонет.

На этот раз Фрол и Егор тоже услышали стон – негромкий,
хрипловатый, тихий.

– Я что-то слышал, – сказал Егор.

– И я, – подтвердил Фрол.

Все трое обернулись и посмотрели в сторону канавы.

– Пойдем посмотрим, что там, – распорядился Егор и пер-
вым двинулся к канаве.

Фрол и Суслик зашагали за ним. Дошли до канавы, оста-
новились. Свет фонаря не доходил до канавы, и парни не сра-
зу разглядели лежащего на дне человека.

– Парни... – позвал тот. – Помогите.

– Твою мать!.. – тихо и испуганно воскликнул Суслик. – Пацаны, вы видели? Там какой-то мужик!

– Тихо ты, не ори, – осадил его Егор, разглядывая лежащего на дне канавы мужчину.

– Бомжара, наверное, – предположил Фрол. – Видишь, какой грязный. И воняет от него, как от помойной ямы.

– Бомжара в нашем поселке? – усомнился Егор. – Откуда он тут взялся?

– А кто его знает...

– Помогите... – снова прохрипел скрючившийся на дне канавы незнакомец. – Я... заплачу.

Фрол ухмыльнулся.

– Ого! Соболь, слышал? У него деньги!

– Не вопи, – глухо оборвал его Егор и быстро огляделся по сторонам. Затем окликнул: – Эй, мужик! У тебя правда есть бабки?

– Есть, – тихо отозвался незнакомец.

Он тяжело перевалился на другой бок, сунул руку в карман, вынул несколько смятых банкнот и бросил на край канавы.

– Подними, – приказал Егор пугливо глядящему на деньги Суслику.

Суслик приблизился к краю канавы, нагнулся и сгреб купюры с земли.

– Грязные, – брезгливо пожаловался он Егору.

– Сколько там? – спросил Фрол.

– Не знаю, – Суслик переверорошил купюры и с воодушевлением сообщил: – Тыщи две «Бакинских», не меньше!

Фролов посмотрел на Егора и задумчиво проговорил:

– Откуда у простого бомжа столько денег?

– Ребят... – позвал или, вернее, простонал со дна канавы незнакомец. – Мне бы еды... Любой... И еще...

– Пацаны, я знаю, кто это, – сказал Егор, не дав незнакомцу договорить.

– Кто? – в один голос спросили Фрол и Суслик.

– Слышали про ограбленную инкассаторскую машину?

– Нет, – ответил Суслик.

– Я что-то слышал, – задумчиво проговорил Фрол. – Кажется, это было в Зеленодольске?

– Угу, – Егор кивнул на незнакомца. – Это тот мужик, который ограбил инкассаторов.

Фрол присвистнул от удивления и недоверчиво посмотрел на бомжа. А Егор двинулся с места, быстро спустился в канаву и присел на корточки рядом с незнакомцем. Фрол и Суслик, немного поколебавшись, последовали его примеру.

От мужика и впрямь воняло, как от бомжа. А физиономия у него была грязная до черноты.

– Ребят... – снова прохрипел он, глядя на парней затравленным взглядом. – Помогите мне... Прошу...

Мужчина попытался приподняться, но не смог и опять опустился в мокрую жижицу на дне канавы.

– Видать, ему совсем хреново, – констатировал Суслик. –

Может, отнесем его в медпункт?

Незнакомец посмотрел на него жалобным взглядом и хрипло пробормотал:

– Нельзя в медпункт... Дайте еды... И таблетку... Антибиотик... – он поморщился от боли и добавил: – И еще бинт.

– Тихо-тихо, – успокоил мужчину Егор Соболев. – Не переживай, друг. Мы тебе поможем. И еды дадим, и таблетки принесем. Но сперва... – Егор чуть прищурил холодные серо-голубые глаза. – Сперва скажи нам, где деньги, которые ты забрал у инкассаторов.

Незнакомец молчал, дико и затравленно глядя на парней. Ни дать ни взять – лесной зверь, загнанный в угол.

– Он не говорит, – заметил Суслик.

– Вижу, – вздохнул Егор. – Придется ему помочь.

– Как?

Соболев несколько секунд обмозговывал эту проблему, после чего распорядился:

– Фрол, держи его за руки, чтобы не дергался. А ты, Суслик, зажми ему рот ладонью.

Фролов и Суслов замерли, ошеломленно глядя на Егора.

– Оглохли, что ли? – жестко проговорил он. – Живо! Ну!

Фрол подчинился первым. Он быстро обошел лежащего на земле мужчину, встал у него за головой, нагнулся и схватил его за руки.

– Суки... – захрипел незнакомец. – Пусти!

– Юрик! – грозно прикрикнул Егор на Сулова.

Тот кивнул, нагнулся над незнакомцем и, еще секунду покачивавшись, плотно накрыл ему рот ладонью.

Егор быстро осмотрел тело незнакомца и почти сразу нашел на его бедре и животе несколько кровоточащих ранок – видимо, следы острых веток. Не тратя времени на размышления, Соболев резко сунул палец в одну из ранок.

Мужчина забился и замычал, но Фрол и Суслик держали крепко. Егор немного выждал, затем убрал палец из раны и вытер его об брючину.

– Суслик, дай ему сказать, – приказал он.

Суслик убрал ладонь с губ незнакомца.

– Гад... – прохрипел тот, с болью и ненавистью глядя на Егора Соболева. – Фашист...

– Скажи нам, где деньги, и мы тебя перевяжем, – спокойно произнес Соболев. – И антибиотики тебе принесем. Или хочешь продолжить?

Егор снова поднес руку к одной из ранок на теле грабителя.

– В лесу... – хрипло выдохнул тот. – Деньги в лесу. – Он сглотнул слюну и глухо добавил: – Рядом со старой шахтой.

– Можешь нам показать?

– Я... не дойду... Но вы сами... Сами найдете.

Егор усмехнулся:

– Интересно, как? Собаку на деньги натаскаем?

– Место приметное, – с усилием пробормотал грабитель. – Там... есть обгоревший дуб... В нем сумка с деньгами. –

Незнакомец закашлялся.

– Обгоревший дуб, говоришь? – Егор задумчиво поскреб пальцами щеку. – Ну, допустим. Слышь, урка, а где твой подельник? Вас же двое было. Где он?

Незнакомец облизнул сухие губы сухим языком и тихо проговорил:

– Его... нет.

– А где он? – поинтересовался Егор.

– Утонул... В болоте.

– Я помню этот дуб, – сказал вдруг Фрол. – В него молния ударила и разбила надвое. Я видел, когда ходил с папашей на рыбалку. Батя тогда чуток перепил, а я заплутал. Ну и вышел к шахте. А там неподалеку дерево, я его сразу увидел.

– Отлично, – Егор выпрямился. – Значит, дуб мы найдем. Фрол и Суслик тоже поднялись на ноги.

– А с этим что будем делать? – кивнул Фрол на раненого грабителя, который, скорчившись и тихо постанывая, лежал на земле.

Егор посмотрел на незнакомца, прикинул что-то в голове и сказал:

– Отнесем в заброшенный амбар. Тот, что возле сломанной колонки.

– Парни... – сипло и жалобно заскулил грабитель. – Пожалейте... Деньги заберите... Но не дайте сдохнуть, как собаке.

– Ничего, – успокаивающе сказал ему Егор. – Ты с виду

мужик крепкий, не сдохнешь. Фрол, есть чем ему руки связать?

Фролов качнул рыжей головой:

– Нет.

– Суслик, а у тебя?

– Ничего, – виновато ответил Суслов.

Егор вздохнул:

– Ладно. Свяжем моим ремнем.

Соболев расстегнул пряжку и вытянул ремень из брючных петель. Парни взялись за дело. Грабитель сопротивлялся, но он был очень слаб, и они справились с ним без труда. Ремнем стянули ему руки за спиной, а в рот сунули носовой платок Фрола.

– Ну вот. Дело сделано, – Егор перевел дух. – Теперь отнесем этого гада в амбар и пойдем к шахте. А когда вернемся, дадим ему таблеток и отпустим.

– Мужики, я туда не пойду, – сказал вдруг Суслик.

Егор угрюмо взглянул на него, а Фрол насмешливо уточнил:

– Тебе что, деньги не нужны?

– Нужны, но... – Суслик замялся. – Про старую шахту знаете, что говорят?

– Знаем. Что там бродят призраки шахтеров. Тех, что умерли под завалом сто лет назад.

– Вообще-то семьдесят пять, – поправил Суслик.

– Ладно, Фрол, отстань от него, – небрежно проговорил

Егор. – Он уже в штаны напрудил.

Егор и Фрол презрительно засмеялись.

– Витьку Корейца бы надо взять, – сказал, все еще посмеиваясь, Фрол. – С Корейцем как-то надежнее.

– Корейца? – Егор задумался. Потом кивнул: – Да, надо. Хотя... он слишком правильный. Может под это дело не подписаться. Ладно, парни. Берем этого гада за руки и за ноги. До амбара метров пятьсот, придется поднапрячься.

Суслик первыми шагнул к связанному грабителю.

– Так ты все-таки с нами? – насмешливо спросил Фрол.

– С вами, – нехотя ответил Суслов. – Куда ж я от вас денусь.

– А призраков не боишься?

Юра посмотрел на него из-под реденькой челки, неуверенно усмехнулся и проговорил:

– Если что, вы меня от них защитите. Мы ведь друзья.

– Вот это другой разговор, – одобрил Егор. – Фрол, хватай гада за руки, а мы с Сусликом возьмем за ноги!

8

Витька Ким по прозвищу Кореец рубил дрова в огороде. Подойдя к низенькому забору, Егор и Суслик окликнули его, но, стуча колуном по колоде, он не сразу их расслышал. Откликнулся только на третий раз. Подошел к калитке, кивнул друзьям.

– А ты чего в потемках дрова рубишь? – спросил Суслик.

– Да мамка попросила баню натопить, – объяснил Кореец. – А вы чего тут?

– По делу, – сказал Егор. – Мы сейчас идем в лес, к заброшенной шахте. Есть маза сорвать большой куш.

– Куш? – Кореец криво усмехнулся. – Какой куш? Прикалываетесь, что ли?

– Не прикалываемся. Ты с нами или как?

– Или как.

– Витек, мы серьезно, – подал голос Суслик. – Дело денежное.

– Денежное? – переспросил Ким, прищурив свои и без того узковатые глаза. (Мать у Витьки Кима была русская, а отец – чистый кореец).

Суслик кивнул:

– Да.

– В лесу?

– Да.

– Возле заброшенного рудника?

– Да.

Кореец усмехнулся:

– Кхех. Вот под это я точно не подпишусь. Ладно, пацаны, до завтра, мне еще нужно дров в печку подбросить.

Он отошел от калитки, сгреб в охапку дрова и побрел в сторону бани. Егор посмотрел ему вслед насмешливым, презрительным взглядом. С Сусликом, Фролом и Корейцем он

дружил с пятого класса. Но если Суслик и Фрол всегда беспрекословно подчинялись Егору, то Витька Ким был парнем самостоятельным, бесстрашным и упрямым, а потому – несмотря на свой малый рост – часто шел Егору наперекор.

В детстве Егор пару раз лупил Корейца, но сломить волю узкоглазого упрямца так и не смог. Наоборот, после тех драк между ними установилось что-то вроде перемирия, как между двумя сильными противниками, признавшими силу друг друга. А потом, непонятно как, это перемирие переросло в дружбу.

– Струсил, – констатировал Фрол. – Надо же! От Корейца я такого не ожидал.

– Ничего, – сказал Егор. – Справимся и без него. Нам же больше бабок достанется. Идемте, пацаны!

Соболев-старший и его помощник Еременко ужинали в лучшем из четырех поселковых ресторанчиков под названием «Выгода». Их столик находился в нише, отделенный от основного зала красивой ширмой. Свет, падавший на столешницу от желтоватых ламп бронзового бра, играл в бокалах с красным вином, отскакивал бликами от вилок и ножей. Игнат Борисович ел молча, угрюмо и жадно, словно свинью для своего эскалопа он добыл сам. Еременко аккуратно обгладывал косточки запеченной с приправами курицы и клал их на салфетку рядом с тарелкой.

– Завтра поедешь в мэрию, – сказал Соболев, отрезая от эскалопа очередной кусок. – Там у меня все схвачено, нужно

только передать секретарю конверт.

– Хорошо, – вежливо отозвался Еременко, блеснув стеклами очков.

За ширму вошел Иван, телохранитель Соболева.

– Игнат Борисович, с вами тут хотят поговорить, – доложил он.

– Поговорить? Кто?

– Я! – рядом с Иваном возник невысокий кряжистый мужчина лет пятидесяти, с широким лицом, изрытым шрамами, и ежиком седых волос. – Здравствуй, Игнат Борисович!

Соболев опустил вилку и холодно взглянул на вошедшего.

– И тебе не хворать, Георгий Александрович! Присаживайся!

Георгий Александрович Лисицын, известный в определенных кругах под кличкой Жора Лис, приблизился к столу. Бизнесмены обменялись рукопожатием, после чего Лис уселся напротив Соболева, на Еременко он даже не взглянул, словно того здесь не было.

– Слышал я, Игнат Борисович, что ты решил поохотиться на моих угодьях, – чуть прищурившись и блеснув золотым зубом, произнес Лисицын.

– Ты про развлекательный центр?

– Про него. И про заправку со станцией техобслуживания, которые ты собрался построить на моей земле.

– Она не твоя, Георгий Александрович, – с холодной вежливостью возразил Соболев. – Я ее выкупил.

– С помощью взяток и подложных документов?

– С помощью специально разработанного бизнес-плана, – возразил Соболев.

Натужная улыбка сползла с сухих губ Лисицына. Он чуть наклонился вперед, вперив ледяной взгляд в лицо Соболева, и силло проговорил:

– Игнат, это моя земля. И мой проект.

– Уже нет, – сказал Соболев. – Спроси у мэра района. Все документы у меня на руках. Я даже подрядчиков нашел. Скоро начну строить.

Несколько секунд бывшие криминальные авторитеты, а ныне легальные бизнесмены смотрели друг другу в глаза. Потом Лис разомкнул тонкие губы и прошипел:

– Ты пожалеешь, Соболь.

– Вряд ли, Жорик, – в тон ему отозвался Соболев.

Лисицын выпрямился.

– Жаль, что мы не смогли договориться, – сказал он.

Игнат Борисович лишь неопределенно и безразлично пожал могучими плечами. Лис поднялся из-за стола и, не прощаясь, ушел. Соболев как ни в чем не бывало продолжил ужинать. Еременко посмотрел, как он ест, и осторожно произнес:

– Игнат Борисович, я не уверен, что мы правильно поступаем, объявляя войну Лисицыну.

– Вот как? – хмыкнул Соболев.

– Это очень жестокий и мстительный человек. Кроме того,

он беспредельщик.

– В этом-то все и дело, – усмехнулся Соболев. – Его время прошло. Он не сможет легализоваться. Слишком длинный шлейф за ним тянется.

– Но у него еще есть влияние. И полезные друзья.

– Урки подзаборные, вот кто его друзья, – презрительно проговорил Соболев. – Я легальный бизнесмен. Мэр и прокурор района – мои друзья. Дай мне еще год, и я стану здесь полным хозяином.

– А Лисицын? Что будет с ним?

– Думаю, его пора закрывать. Разработай план. Потом обсудим.

9

Егор, дымя сигаретой, открыл дверцу старенького «уазика», припаркованного возле шикарного особняка Соболевых.

– Забирайтесь, – распорядился он.

Фрол стянул с плеч рюкзак и бросил на заднее сиденье. Сам уселся в кресло рядом с водительским. Суслик тоже снял свой рюкзак, но, забравшись в машину на заднее место, положил его на колени.

К машине подбежала собака, рослая лохматая дворняга. Жизнерадостно гавкнула и завертела хвостом, глядя на Суслика.

– А, Рекс! – Суслик протянул руку и погладил пса по ушастой голове – Привет, дружище! Привет!

Егор неприязненно посмотрел на собаку.

– Какого хрена ты его за собой потащил?

– Я не тащил, – запротестовал Суслик. – Сам увязался.

– И чего он за тобой увязался? – насмешливо спросил Фрол. – Ты что, доктор Дулиттл?

– Да нет. Просто подкармливаю его иногда. Слушайте, пациенты, давайте возьмем Рекса с собой!

– С ума сошел? – возмутился Фрол. – На кой он нам сдался?

– В лесу с собакой лучше. Она опасность издалека чувствует. Давайте возьмем, а?

– Хрен с ним, бери, – смиловился Егор. – Только пусть сидит тихо. Тявкнет – выкину из машины.

– Рекс, ко мне! – скомандовал Суслик.

Пес гавкнул и быстро запрыгнул в салон.

Егор отбросил окурок и уже собрался усестись за руль, но в этот момент возле его «уазика» остановилась новенькая белая «бэха». Стекло опустилось, и на Егора глянуло широкое, изрытое шрамами лицо Жоры Лиса.

– Егор Игнатьевич! – Лис блеснул золотым зубом. – Добрый день!

– Здравствуйте, – сухо отозвался Егор.

Ему вдруг показалось, что улыбка Лисицына напоминает волчий оскал.

– Егор Игнатьевич, можно вас на пару слов?

Лис открыл дверцу и подвинулся, предлагая Егору сесть рядом. Егор напрягся, быстро глянул по сторонам, а затем нерешительно шагнул к «бэхе».

Усевшись рядом с Лисом и настороженно поглядывая на водителя и телохранителя, сидящих впереди, Егор неприязненно проговорил:

– Что вам нужно? Хотите меня убить?

Лис засмеялся тихим хрипловатым смехом.

– Убить? Что за дикие фантазии! Я не хочу причинять вам вред, Егор Игнатьевич. Скорее наоборот.

– Наоборот?

– Я хочу стать вашим другом. Хорошим, верным другом. Как вам такая идея?

Егор недоверчиво посмотрел на бандита.

– И что я для этого должен сделать? – негромко уточнил он.

– Да ничего особенного. Поговорите со своим отцом. Объясните ему, что он поступает неправильно. Нельзя просто так прийти и забрать у человека его собственность.

– Я не участвую в его делах.

– Знаю, – Лисицын снова блеснул зубом, и Егор опять подумал, что его улыбка похожа на оскал золотозубого волка. – Но что, если вы получите возможность *поучаствовать*?

Егор недоверчиво покосился на Лиса.

– Я не совсем понял.

– А что тут непонятного? Тебе двадцать лет, ты взрослый мужик. Сильный, волевой, умный. Честный. Твой отец тоже когда-то был таким. Слово «дружба» для него что-то значило. А теперь он забурел, заборзел и не видит границ. И старых друзей решил пустить побоку. По-твоему, это правильно?

– Не знаю. Наверное, нет.

– Вот и я так думаю. Ты уже взрослый, Егор. Но вместо того, чтобы участвовать в семейном бизнесе, шляешься по поселку и нарываешься на неприятности.

– Я не по своей воле, – раздраженно проговорил Егор. – Отец не пускает меня в бизнес.

Лис кивнул, незаметно усмехнувшись. Он понял, что нащупал «болевою точку» паренька.

– Если хочешь знать мое мнение, – продолжил он, – ты способен управлять бизнесом ничуть не хуже отца.

Егор хмыкнул:

– И как я это сделаю?

– Тебе ничего не надо делать. Просто я хочу знать... – глаза Лиса сузились, превратившись в две темные щели. – Если когда-нибудь тебе доведется возглавить бизнес отца, ты ведь примешь мое предложение о дружбе?

– Ну... да, – неуверенно ответил Егор. – С такими людьми, как вы, надо дружить.

Лис улыбнулся:

– Отличная фраза. Я ее запомню. И ты не забывай, хоро-

шо?

– Хорошо.

– Ну, пока. Извини, что отнял время.

– До свиданья.

Егор открыл дверцу и выбрался из «бэхи». Захлопнул дверцу, и машина Лиса тут же сорвалась с места и покатила прочь по темной поселковой улице, стремительно набирая скорость. Егор еще несколько секунд стоял на дороге, мрачно о чем-то задумавшись, потом вздохнул, подошел к своему «уазику» и забрался на водительское сиденье.

Рекс гавкнул с заднего места.

– Пса заткни! – поморщился Егор.

– Тише, Рекс, тише, – Суслик прижал морду пса к себе и успокаивающе его погладил. – Слышь, Егор, это был Лисицын?

– Да, – ответил Егор.

– Чего хотел? – поинтересовался Фрол.

– Ничего. Так, все вещи взяли? Топор, фонари?

– Да, вроде.

– Ну, поехали.

Егор завел мотор и тронул «уазик» с места.

10

В лесу было темно и жутковато. Егор шел впереди, освещающая дорогу фонариком. Фрол следовал за ним. Замыкал ше-

ствие Суслик, едва удерживавший на веревке поскуливающего и пытающегося удрать Рекса.

– Какого черта ты его с собой потащил? – ворчал Фрол. – Толку от него – ноль.

Луч фонарика выхватывал из темноты толстые корни, поваленные деревья, черные стволы.

– Вон он, заброшенный рудник! – приглушенно произнес Егор и осветил в сторону черного провала шахты.

Парни остановились. Внезапный порыв ветра прошуршал по листьям деревьев, пригнул к земле редкую высокую траву. От этого холодного вздоха черного леса всем троим стало немного не по себе. Вдруг Рекс, отчаянно взыв, дернулся вперед, вырвал веревку из рук Суслика и бросился Фролу в ноги. Фрол вскрикнул от неожиданности. Потом попытался пнуть пса, но тот отбежал в сторону. Тогда Фрол нагнулся, подхватил с земли камень и, размахнувшись, с силой метнул в собаку. Камень угодил Рексу в голову. Пес пронзительно закулил, зашатался и неловко, боком повалился в траву.

– Ты чего?! – сипло воскликнул Суслик. – Что он тебе сделал?

Фрол нахмурился и огрызнулся:

– Я ж не знал, что попаду.

– Садист!

Суслик шагнул было к собаке, но Егор окриком остановил его:

– Оставь его! Мы сюда не собачек лечить пришли! Идем

за бабками! Вон он – разбитый молнией дуб!

И Егор направил луч фонаря на двухметровый обрубок дерева, обугленный, расщепленный посередине ударом молнии. Егор и Фрол, тут же потеряв интерес к Суслику и его собаке, зашагали к дубу.

Суслик несколько секунд стоял неподвижно, но оставаться одному посреди леса было страшно, и он послушно двинулся за приятелями, то и дело оборачиваясь и пытаясь рассмотреть в ночном сумраке зашибленного пса, тихо скулящего в траве.

Егор первым подошел к дубу. Сперва осмотрел его снаружи, потом посветил фонариком в расщелину, пошарил там рукой.

– Ну? – нетерпеливо спросил Фрол.

Егор еще раз хорошенько обшарил расщелину. Потом растерянно повернулся к Фролу:

– Ничего.

– Да ладно... – Недоверчиво глядя на друга, Фрол приблизился к дереву и сам его тщательно обшарил.

– Черт, – с досадой проговорил он. – Соболь, тут пусто!

– Сам вижу.

– Что будем дел...

– Погоди-ка, – перебил Егор.

Он осветил фонариком ствол дерева, а затем траву между его корнями.

– Пацаны, смотрите, – негромко сказал он. – Тут трава

примята. И кровь. Видите? Вот тут... — он осветил лужицу крови. — И вон там! — Лучик фонарика сдвинулся. — Видите? — Черт, это ж деньги!

Фрол на пару шагов отошел от дуба, нагнулся и поднял с травы окровавленную пятитысячную купюру. Егор приблизился к нему и осветил лучом фонарика окрестности.

— Здесь кто-то полз, — сказал он. — И волок за собой сумку.

— И куда он полз? — испуганно спросил подошедший Суслик.

Егор посветил фонариком в направлении заброшенного рудника.

— Туда.

Фрол и Суслик уставились на черный провал шахты. Несколько секунд парни молчали, потом Фрол тихо проговорил:

— Это что же получается? Мы заперли грабителя в амбаре. Он нам наплел про дерево. И про то, что его подельник утонул в болоте. А пока мы сюда добирались, этот подельник забрал деньги и уполз с ними в шахту?

Егор при свете фонарика тщательно осмотрел примятую траву и лужицы крови.

— Думаю, у них тут были разборки, — заметил он. — Подельник получил перо в бок, но выжил. Он видел, как наш амбарный урка прячет деньги в дерево. И когда тот ушел, вытащил их.

— Но зачем он утащил деньги в шахту? — недоуменно спро-

сил Суслик.

– Кто его знает? Может, хотел отлежаться в безопасном месте. В лесу полно зверья. А шахта – типа укрытие, – предположил Егор.

– Ненадежное укрытие, – заметил Фрол.

– Другого тут нет.

Егор снова посветил в сторону шахты.

– Отец сказал, что грабители взяли у инкассаторов миллиона два или три, – тихо проговорил он. – Получается по миллиону на каждого.

– Это если достать деньги, – хмуро возразил Фрол. – Но как их оттуда достанешь?

– Кому-то нужно спуститься в шахту, – сказал Егор. – А двум другим контролировать сверху. Чтобы, если что-то случится, быстро достать его.

– В шахту? – хмыкнул Фрол. – Соболь, ты серьезно?

– Давайте так. Тот, кто спустится за деньгами в шахту, возьмет себе пятьдесят процентов. Остальные – по двадцать пять.

– Ты серьезно? – приподнял брови Фрол. – Но...

– Я полезу, – выпалил вдруг Суслик.

Егор и Фрол удивленно на него уставились.

– Ну... Вообще-то я сам собирался, – неопределенно проговорил Егор.

– Ты собирался, а я вызвался, – возразил Суслик. – Первым.

Фрол хмыкнул:

– Я и не знал, что ты так сильно любишь деньги, Суслик.

– Мне надоело жить с теткой Матвеевной! Хочу слинять отсюда в большой город!

– Зачем?

– Чтобы жить. *По-настоящему* жить!

Фрол взглянул на Егора:

– Соболь, он и правда первым вызвался.

– Да ради бога, – пожал плечами Егор. – Пусть лезет.

– Тогда чего мы ждем? Суслик, пошли!

На этот раз вперед выдвинулся Фрол. Суслик засеменял за ним. Егор с сомнением посмотрел им вслед. Он совершенно не знал, как поступить. Лезть в шахту, разумеется, не хотелось. Но и отдавать Суслику пятьдесят процентов бабла, если, конечно, он достанет сумку, тоже было нельзя. Егору требовалось все. Лишь так можно начать свой бизнес.

Размышляя об этом, Егор подошел к черному зеву шахты и встал рядом с приятелями. Фрол посветил фонариком вниз.

– Здесь крутой спуск, – сказал он. – Почти обрыв.

– Размыв от воды, – пояснил Егор. – После затопления грунтовыми водами. Глубина – метров шесть-семь, не больше.

Суслик поежился.

– А если тот, второй, начнет в нас стрелять? – робко спросил он.

– Не начнет, – убежденно сказал Фрол. – Скорей всего, он уже истек кровью. Видел, сколько ее вокруг? Литра четыре, не меньше.

– А если он еще в сознании?

– Короче, – сухо проговорил Егор. – Не хочешь лезть – не надо. Я сам все проверну.

– Нет, – поспешно возразил Суслик. – Я спущусь.

– Тогда давайте поскорее, я уже начал замерзать. Фрол, разматывай веревку.

Вскоре Егор и Фрол уже осторожно спускали Юру Суслова в шахту.

– Осторожнее! – напряженным голосом проговорил Суслик, болтаясь на веревке и освещая фонариком старые, замшелые каменные стены. – Там внизу острые камни!

– Мы и так осторожно! – отозвался сверху Егор. – Фрол, давай поаккуратнее, а то он расплчется.

Они продолжили осторожно травить веревку.

– Зря мы взяли всего один фонарик, – зябко поежился Фрол. – Темнотища. Ни фиги не видно.

– Мобилу включи, – посоветовал Егор.

– У меня нет мобилы.

– Че, прикалываешься?

– Я свою разбил неделю назад, ты же видел.

– Я думал, ты уже новую купил.

– Ага, купил. На какие шиши?

Егор сунул руку в карман джинсов, достал новенькую

«Моторолу» с цветным экраном и алюминиевым корпусом и протянул Фролу:

– Держи, терпила.

– Сам ты терпила, – Фрол взял мобильник и включил экран.

– Я внизу! – раздался из шахты приглушенный голос Суслика.

Потом последовала пауза. И вдруг – резкий вскрик.

– Суслик?! – окликнул Фрол, пытаясь осветить черное жерло мобильником. – Суслик, что там?

– Тут мертвец! – в панике отозвался Суслик.

– Это, наверное, второй грабитель! – крикнул Егор. – Сумка с деньгами там?

Ответа не последовало.

– Суслик! – снова позвал Егор.

– Тут что-то есть! – донесся из черной глубины шахты приглушенный голос Суслика.

– Что там? – голос Фрола сорвался. – Суслик, что там, а?!

– Твою мать! – гаркнул вдруг снизу Суслик. – Тяните!

– Что там?! – снова глупо спросил Фрол.

– Тяните! – заорал снизу Суслик, и на этот раз в голосе его было столько ужаса, что Егор поспешно схватился за веревку и потащил ее на себя. Фрол сунул мобильник в зубы и тоже ухватился за веревку.

Еще и еще... И вот наконец внизу показалась голова Суслика.

– Твою мать! – с ужасом вскрикнул Егор.

А Фрол, держа в зубах мобильник, лишь вытаращил глаза. Оба смотрели на Суслика. Его волосы, прежде рыжевато-каштановые, теперь были белы как снег.

И вдруг веревка резко дернулась, словно кто-то рванул Суслика за ноги вниз.

– Держи веревку! – крикнул Фрол. Мобильник вылетел у него изо рта и упал в шахту.

А в следующую секунду новый мощный рывок вырвал веревку из пальцев Егора и Фрола. Суслик полетел вниз. Судорожным движением Фрол успел схватить конец ускользающей веревки. И тут Суслик внизу закричал – бесконечно-долгим, безумным, бессмысленным криком, словно это кричал не человек, а сама тьма, захватившая его душу.

– Тяни! – закричал Фрол.

Егор схватился за веревку, и они вдвоем потянули ее на себя, но тут ощущение тяжелого груза на другом ее конце исчезло, и Егор с Фролом едва не рухнули на землю. Фрол быстро вытянул веревку из шахты и изумленно уставился на ее конец.

– Оборвана, – потерянным голосом проговорил он. – Будто ее жевали. Посмотри, Соболь!

Он сунул обжеванный край веревки Егору под нос. Тот отшатнулся:

– Убери ее от меня!

Из глубины шахты донесся странный приглушенный шум,

не то ворчание, не то шорох чего-то тяжелого, волочащегося по каменным выступам пола.

– Надо валить, – хрипло произнес Егор.

– А как же Суслик? – упавшим голосом спросил Фрол.

– Нет больше Суслика! – отрезал Егор. – До машины три километра! Ходу!

И первым бросился бежать. Фрол, секунду помедлив, рванул за ним.

11

Утро выдалось прохладным, но безветренным. Аня Родинова набрала второе ведро почти доверху, выпустила рычаг колонки, затем подхватила оба ведра и понесла к дому. Но не успела она пройти и десяти метров, как путь ей заступил незнакомый молодой парень.

– О, что я вижу! – с улыбкой глядя на Аню, воскликнул он. – Неужто сам ангел спустился в наш грешный мир с горних высот? Привет тебе, прекрасное создание!

– Здравствуйте, – тихо ответила Аня.

И попыталась пройти мимо. Но парень снова встал у нее на пути. Он был высок и красив. Густые темные волосы, серые глаза, чувственные губы и белоснежная улыбка. Одет он был в модную куртку и блестящие туфли, которые не очень-то подходили для поселковой грунтовки.

– Тяжелые небось ведра? – с улыбкой спросил красавец. –

А ну-ка, дай помогу.

– Не надо... – попробовала протестовать Аня, но парень уже забрал у нее ведро.

– Ну вот, расплескали, – упрекнула его Аня, покраснев.

– Простите меня, сударыня, – с улыбкой сказал парень. – Я был неловок, но больше это не повторится. Куда нести?

– Вон мой дом, – Аня кивнула в сторону избы с белым заборчиком. – Но я могла бы и сама...

– Вперед! – и парень зашагал к дому бодрой, пружинистой походкой.

Аня засеменила рядом. Незнакомец покосился на нее и весело произнес:

– Я, кажется, забыл спросить: как вас зовут, принцесса?

– Я не принцесса, – смутилась она. – А зовут меня Аня.

– Аня?! – парень округлил глаза. – Не может быть!

– Почему? – удивилась Аня.

– Десять лет назад гадалка нагадала мне, что главной любовью всей моей жизни будет прекрасная девушка по имени Анна!

Аня отвела взгляд и покраснела еще больше.

– Скажете тоже... – Она пожала плечами. – Вокруг полным-полно Ань.

– Да, но не у каждой из них зеленые глаза.

– А ваша гадалка сказала, что у Анны будут зеленые глаза?

– Да. И светлые волосы, – парень блеснул белыми зубами. – Вот такие, как у тебя. Кстати, меня зовут Максим. Как

моего далекого предка – Максима Горького.

Аня посмотрела на него с сомнением.

– Вы что, потомок Максима Горького?

– Ну да. Разве не похож?

– Не очень, – честно призналась она.

Максим засмеялся.

– Ты меня раскусила. Так чья ты, красавица?

– Ничья.

– Вот как? Неужели так бывает? Ну, жених-то у тебя точно есть. Ведь есть?

– Нет.

– Не верю. За такими красавицами всегда ходят толпы поклонников. Но знай: я тебя у них отобью!

У Ани от смущения задрожали ресницы.

– Скажете тоже...

Максим улыбнулся, блеснув полоской белоснежных зубов, но потом взглянул на Аню нежным взглядом и проговорил, негромко и чувственно:

– Любить иных тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Загадке жизни равносильен.

– Это Пушкин? – спросила Аня.

Парень улыбнулся:

– Почти. Понравилось?

– Неплохо.

– Я это сам сочинил.

– Шутите?

– Нисколько.

– Мы уже пришли, – сообщила Аня, останавливаясь возле калитки.

Максим поставил ведра на землю. Калитка соседнего дома распахнулась, и на улицу вышла тетя Клава, женщина лет сорока с небольшим, моложавая, красивая и статная.

– А, Нюра! – улыбнулась она, увидев Аню и Максима. – Уже познакомилась с моим племянником?

Аня растерянно моргнула.

– Ваш племянник?

Только сейчас она заметила, как сильно они похожи – Максим и тетя Клава. Те же брови вразлет, те же чувственные губы, те же искрящиеся глаза.

– Мы познакомились, тетя, – сказал Максим, глядя Ане в глаза. – И провели вместе пять незабываемых минут.

Аня снова покраснела.

– Не обращай на него внимания, – засмеялась тетя Клава, видя смущение Ани. – Они в Москве все такие. Болтуны! Максик, я тебе чаю налила. Иди, а то остынет.

– Чай – это святое! – Максим улыбнулся Ане и, подмигнув, сказал: – Еще увидимся, принцесса!

Он вошел во двор дома тети Клавы и скрылся из виду. Тетя Клава проводила его взглядом, потом глянула на Аню

и сказала:

– Красивый у меня племянник, правда?

– Правда, – согласилась Аня. – Похож на актера.

– Угадала, – тетя Клава улыбнулась. – Он и есть актер.

Правда, начинающий.

Глаза Ани расширились.

– Но в фильме уже снимался, – добавила тетя Клава, и в ее голосе прозвучала гордость за племянника.

– А в каком фильме?

– Он еще не вышел. Называется «Белая акация». Максик там в эпизоде, – тетя Клава вздохнула. – Если, конечно, не вырежут. Он говорит, их там из фильмов вырезают сплошь и рядом.

– Почему? – удивилась Аня.

Соседка пожала плечами:

– Да по-разному. Иногда слишком длинно получается.

Иногда... еще почему-нибудь.

– Может, все-таки не вырежут? – с надеждой проговорила Аня.

– Может, и не вырежут. Ну, пока, Нюр!

Тетя Клава скрылась во дворе. Аня пару секунд постояла неподвижно, о чем-то раздумывая и улыбаясь своим мыслям. Потом стерла улыбку с лица, словно испугавшись этих мыслей, подхватила с земли ведро с водой, толкнула сапожком калитку и поспешила к дому.

Фрол, ссутулившийся, всклокоченный, с темными кругами под глазами, остановился возле высокого бетонного забора с железной дверью. Вынул из кармана куртки руку и нажал на кнопку звонка. Потом еще раз. Опустил руку и стал ждать.

Минувшей ночью он не сомкнул глаз. А когда под утро все же задремал, ему приснился кошмарный сон, в котором Юрка Суслов стоял под окном его дома и жалобно просил впустить его внутрь.

Вскочил Фрол в десять часов утра, вспотевший от ужаса. Не умывшись, оделся и отправился к Егору. И пока шел, ему все время казалось, что Суслик незримо плетется следом, и Фрол боялся обернуться, чтобы не увидеть его бледное мертвое лицо.

...Щелкнул замок. Железная дверца приоткрылась, и Фрол увидел крепкого охранника в черной униформе с нашивкой «Гриф» на рукаве.

– Тебе чего? – грубо спросил он.

– Я... друг Егора Соболева, – сипло ответил Фрол. – Мы договорились встретиться. Вот я и пришел.

– К Егору? – охранник ухмыльнулся. – Зайди через пару часов.

– Я... не могу через пару. Мне надо сейчас. Дело срочное.

Охранник хмыкнул и покачал головой:

– Не получится. Егор в отрубе.

На лице Фрола отразилось замешательство.

– В отрубе? – недоуменно переспросил он. – В каком отрубе?

– В обычном. Выпил за ночь две бутылки коллекционного коньяка и отрубился.

– Коньяка? – тупо переспросил Фрол.

– Угу, – иронично прокомментировал охранник. – Украл из бара Игната Борисовича. Босс ждет не дождется, пока сынуля придет в себя. – Он усмехнулся. – На месте твоего друга я бы лучше не просыпался. Бывай!

Охранник закрыл железную калитку перед носом Фролова. Оставшись на улице один, тот с минуту или даже больше не двигался с места, стараясь сообразить, что же делать дальше. Ему было страшно и одиноко. Душу охватила тоска. Нужен был друг, с которым можно посоветоваться, у которого можно попросить помощи.

А такой друг у Фрола остался один.

– Кореец, – тихо выдохнул он и сдвинулся наконец с места.

Через пять минут он был возле дома Витьки Кима. Калитка оказалась не заперта. Фрол вошел во двор, протопал к крыльцу, и в этот момент дверь дома открылась, и на крыльце появился сам Кореец.

– Фрол? – удивился он. – Здоров!

– Привет, Кореец!

Они пожали друг другу руки.

– Слушай... – голос Фрола подрагивал от волнения. –

Нужно поговорить.

Витька Ким внимательно взгляделся в бледное, осунувшееся лицо друга и распахнул дверь шире:

– Ну,ходи.

Фрол нахмурился и помотал головой:

– Нет. Там у тебя родаки. Давай на улице.

– Лады. – Кореец снова закрыл дверь. – Ну? Что стряслось?

Фрол помедлил, подыскивая подходящие слова, а затем сбивчиво начал, не глядя Витьке в глаза:

– Помнишь, мы вчера вечером... звали тебя? Прогуляться в лес?

– Помню, – кивнул Ким. – Надеюсь, вы не совершили эту дурость?

Фрол замялся.

– Что? – удивленно поднял брови Витька. – Вы правда ходили к старой шахте?

– Да, – выдавил из себя Фролов. Он поднял наконец взгляд на Корейца и с мольбой в голосе проговорил: – Вить, ты только не наезжай сразу. Я в заднице. И мне... В общем, мне нужна твоя помощь.

– Хорошо, – Ким прищурил черные, чуть раскосые глаза. – Рассказывай.

И Фролов приступил к рассказу. Говорил он тихо, сбивчиво, часто останавливался, набираясь смелости, чтобы продолжить страшный рассказ. А когда закончил и замолчал, Ким несколько секунд недоуменно и недоверчиво смотрел на него, после чего сухо уточнил:

– Значит, вы бросили Суслика умирать?

– Егор сказал, что его уже не спасти. Суслик так закричал... – Фрол перевел дух. – Там что-то было, понимаешь? Что-то утащило его в шахту и убило.

– Но ты не видел его мертвым?

– Не видел, – согласился Фрол.

Кореец еще несколько секунд смотрел на него, пытаясь осмыслить сказанное, затем разжал губы и презрительно процедил:

– Вот уроды.

Фрол молчал, понимая справедливость Витькиных слов.

– Значит, ментов вы не вызвали, – мрачно констатировал Ким. – И «Скорую» тоже. Вы хоть кому-нибудь об этом рассказывали?

Фролов помотал рыжей головой:

– Нет.

– Где сейчас Соболь?

– В отключке. Охранник его папаши сказал, что Егор вылакал две бутылки коньяка.

– Нашел время, – с досадой проговорил Ким. Задумался на пару секунд и уточнил: – А что с тем беглым грабителем?

Вы его отпустили?

Фрол изменился в лице. Растерянно хлопнул ресницами и сдавленно проговорил:

– Я... не знаю.

– Как не знаешь? – не понял Кореец.

– После того, как мы вчера с Егором расстались, я пошел домой.

– Значит, вы его не отпускали?

– Я – нет, – ответил Фрол севшим голосом. – А Соболь... Думаю, он тоже про него забыл. Понимаешь, мы были в таком состоянии... – Он замолчал.

– Вы правда уроды, – презрительно сказал Ким. – Идем!

Он схватил Фрола за куртку и потащил вниз с крыльца.

– Куда? – обреченно спросил Фрол.

– В заброшенный амбар. – Внезапно Витька Ким остановился. – Подожди! (Наморщил лоб.) Ты сказал, что ему нужны были лекарства?

– Да. Он просил антибиотики. И еще – у него текла кровь.

– Жди здесь.

Ким быстро взбежал по лестнице, распахнул дверь и скрылся в доме. Через пару минут он вернулся с увесистым пакетом в руке.

– Что у тебя там? – спросил Фрол.

– Таблетки, бинт, вата, еда. Пошли скорее!

И он снова первым выбежал со двора.

В старом амбаре царил полумрак. Пахло плесневелой соломой и гнилыми досками.

– Ты его видишь? – тихо спросил Ким.

– Нет, – нетвердым от страха голосом ответил Фрол. – Но он был здесь. Вот тут, видишь? Даже солома примята. И кровь осталась.

Кореец внимательно осмотрел примятую солому с пятнами засохшей крови.

– Да. Кровь есть. Надо осмотреть весь амбар. Ты давай с той стороны, а я с этой.

Искать пришлось недолго.

– Черт! – воскликнул Фрол меньше чем через минуту. – Вить, иди сюда! Он здесь!

Ким быстро подошел и уставился на грязного мужчину, лежащего на полу амбара, за толстой балкой. Руки его были связаны на спиной ремнем, рот заткнут платком. Приоткрытые глаза смотрели в угол.

– Твою мать... – тихо выругался Кореец.

Он быстро опустился рядом с мужчиной и тряхнул его за плечо:

– Эй! Эй, вы живы?

Грабитель не отозвался. Ким протянул руку и потрогал жилку на шее незнакомца.

– Витька, он...

– Тихо! – перебил Ким. – Мешаешь!

Фрол сомкнул губы, но ненадолго.

– Ну? – севшим от страха голосом спросил он.

Кореец убрал руку от шеи незнакомца и мрачно констатировал:

– Мертв.

Фрол хотел что-то сказать, но так и замер с открытым ртом. А потом обхватил голову ладонями и тихо заскулил.

– Вы заткнули ему рот, – сказал Кореец, разглядывая лицо мертвого грабителя. – А нос у него забит засохшей юшкой. Я думаю, он задохнулся.

Фролов застонал сильнее.

– Помолчи, – осадил его Кореец. – Дай подумать.

Фрол послушно замолчал. Молчание длилось довольно долго.

– Вот как мы поступим, – заговорил наконец Ким. – Ментам ничего говорить не будем. Иначе вам с Соболем кранты. Этого... – он кивнул на мертвого грабителя, – потихоньку отнесем в овраг. Опустим вниз и забросаем валежником.

– А если собаки разроют? – спросил Фрол.

– И что? Западнее ручья все равно никто не ходит. Туда мы его и оттащим. А если собаки найдут... – Кореец мрачно пожал плечами. – Сожрут его, и делу конец. Нет тела – нет преступления. Нам нужен кусок брезента или рубероида. Знаешь, где найти?

– Да. Я принесу. Мигом!

Фрол бросился вон из амбара еще до того, как Ким успел что-то добавить.

– Здравствуйте, тетя Таня!

Матвеевна нехотя оторвалась от телевизора и посмотрела на Фрола и Корейца пустым, холодным взглядом.

– Тетя Таня, мы насчет Юры...

– Юры нет, – отчеканила Матвеевна странным безликим голосом.

– А... где он? Вы знаете?

Фрол и Кореец ждали ответа с напряженным, пугливым вниманием. Они могли предположить все, чего угодно, но не то, что случилось. Матвеевна вдруг раскрыла рот и, продолжая смотреть на них все тем же холодным, пустым взглядом, громко рассмеялась. Хохотала она странно: отрывисто и гортанно, и смех этот был похож на карканье гигантской вороны.

Фрол и Кореец, изумленно глядя на Матвеевну, попятнулись к двери. А она резко оборвала смех, после чего, уставившись на парней, стала медленно подниматься с кресла, и выглядело это еще страшнее, чем когда она смеялась. Фрол и Кореец, не сговариваясь, повернулись к двери и пулей выскочили из дома.

...Только отбежав от дома метров на пятьдесят, они остановились.

– Что это было? – тяжело дыша, спросил Фрол.

– Рехнулась старуха, – все еще задыхаясь, ответил Ким.

– И что мы теперь будем делать?

– Не знаю. Надо подумать.

Еще минуту они, стараясь восстановить дыхание, приходили в себя. Потом Витька Ким хмуро проговорил:

– В общем, так. Про Суслика и того зэка – никому.

– Понял, – кивнул Фрол. Но добавил с сомнением: – Его ведь все равно будут искать.

– Но не сегодня, это точно. И скорей всего не завтра. А когда начнут – мы тут ни при чем. Усек?

Фролов кивнул:

– Да.

– И предупреди Соболя, когда увидишь. Скажи, чтобы поосторожнее с бухлом. А то проговорится по пьяной лавочке.

– Лады, скажу.

– И помни: я в этом испачкался ради дружбы. Но я с вами в тюрьму не собираюсь. Понял меня?

– Да, – не глядя Киму в глаза, одними губами ответил Фрол.

– Молодец. И еще. Про Суслика больше не думай. Веди себя так, будто ничего не случилось. Иначе спалишься.

– Вить, я же не ребенок, – с легкой обидой проговорил Фрол.

– Ты хуже, – холодно заметил Ким. – И ты, и Соболев. Оба придурки. Хочешь возразить?

Фрол обиженно засопел, но возражать не стал. Кореец еще

немного поразмышлял, потом сказал задумчиво:

– Надо бы все-таки найти Соболя. Он сейчас на взводе. Как бы во что-нибудь не вляпался.

– Да, надо бы, – согласился Фрол. – Может, он еще дома?

– Может быть. Туда и пойдем.

Ким сплюнул себе под ноги, Фрол тяжело вздохнул, а затем оба зашагали по грязной поселковой дороге.

14

Когда в дверь настойчиво и даже грубо постучали, Аня как раз обувала сапожки, намереваясь сбежать в продуктовый магазин и купить к возвращению бабушки каких-нибудь сладостей. Старая Маула ушла в шесть часов утра. Одной из ее пациенток стало плохо, и, судя по тому, что бабушка до сих пор не вернулась, дело обстояло очень серьезно. А это значит, что бабушка вернется совершенно измотанная и обессиленная. Вот тогда-то Аня и напоит ее бодрящим травяным чаем и подаст вазочку с конфетами или халвой, чтобы старая Маула побыстрее восстановила силы.

Аня как раз подтягивала второй сапожок, когда в дверь постучали. Еще до того, как открыть, девушка поняла, кого увидит на пороге. Так оно и оказалось.

Егор Соболев, взъерошенный, небритый, с красными глазами и мутновато-беспокойным взглядом, ввалился в дом и замер перед ней.

– Привет, Ань! – проговорил он.

Аня посмотрела на неожиданного гостя с удивлением.

– Здравствуй, Егор. Ты чего такой заполошный?

– Ночь была... слишком бурная, – ответил он и усмехнулся. Но Ане эта усмешка показалась слишком нарочитой, словно он пытался что-то под нею скрыть.

– Бывает, – девушка вежливо улыбнулась. – Егор, мне надо...

– Подожди, – перебил он и взял ее за плечи своими огромными лапами. – Аня, сегодня ночью я понял, что ты права.

– В чем? – не поняла она.

– Помнишь, ты как-то говорила, что я неправильно живу? Так вот, ты права. Я живу плохо. Дурно живу. И дурно поступаю. Валяю дурака, попадаю в неприятные ситуации. Будто мне все еще шестнадцать лет. Из-за этого многие люди страдают.

– Егор, я...

– Да, многие страдают, – повторил Соболев, словно говорил сам с собой и пытался себя в чем-то убедить. – Но я страдаю больше других.

Аня поежилась, и Егор, опомнившись, убрал руки с ее хрупких плеч.

– Зачем ты мне все это говоришь? – с недоумением спросила Аня.

– Два месяца назад ты сказала, что мы с тобой можем быть друзьями. Говорила?

– Ну... да. Говорила.

– Вот я и пришел к тебе как к другу. Посоветоваться.

Аня глянула на циферблат старых часов-ходиков, висевших над холодильником.

– Егор, скоро придет бабушка, и я хотела сходить...

– погоди, – снова перебил он. – Послушай меня! – Глаза Соболева лихорадочно заблестели. – Если мужчина попал в беду по собственной глупости, то спасти его может только женщина. Я не хочу тут перед тобой красоваться. Я не артист. Я просто человек...

Аня не ответила. Она вдруг о чем-то задумалась, но Егор этого не заметил.

– Еще перед армией я пообещал, что приеду и женюсь на тебе, – продолжил он хриловатым от возбуждения голосом. – Ты тогда обозвала меня дураком. И правильно! Я и был дурак. Но теперь... Аня, теперь я поумнел. И я хочу все изменить.

Аня молчала, рассеянно улыбаясь. Казалось, она мысленно перенеслась куда-то далеко-далеко, но Егор снова ничего не заметил.

– Аня, я... В общем, я хочу на тебе жениться. Я созрел для взрослой ответственной жизни. У моего папаши много денег, он поможет нам встать на ноги. Но я и сам не буду лентяйничать. Я многое могу. Почти все. А?

Она легонько тряхнула головой, как бы прогоняя неуместные мысли, и в упор посмотрела на Егора.

– Да. Прости, я отвлеклась. Что ты сказал?

Он посмотрел ей в глаза мягким, покорным взглядом и сказал:

– Я сделаю все, чтобы ты стала счастливой. Перестану драться. Начну свое дело, получу заочно высшее образование. Буду самым лучшим мужем и отцом. Аня... – голос его звучал негромко и нежно. – Клянусь тебе, ты никогда и ни в чем не будешь нуждаться. Потому что... Потому что я люблю тебя, Аня!

Она качнула головой, прогоняя задумчивость, и виновато проговорила:

– Прости... Кажется, я опять отвлеклась.

По лицу Егора пробежала тень, но он не дал раздражению овладеть собой и прямо спросил:

– Ты выйдешь за меня замуж?

Аня посмотрела на него чуть удивленно. В глазах Егора промелькнуло что-то вроде растерянности; должно быть, он подспудно и неясно осознал, что его положение более шатко, чем он думал.

– Не отвечай, – сказал Егор, невольно стараясь опередить ее, не дать ответить отказом. – Если не уверена, не отвечай. – Он улыбнулся. – Нас никто не гонит, верно? Впереди целая жизнь. Подожди, я кое-что забыл!

– Забыл? – Аня растерянно моргнула. – Что забыл?

– Цветы! Ведь нельзя делать предложение без цветов! Жди здесь, я пулей!

Егор выскочил из дома. На улице он огляделся, увидел на одном из заборов то, что ожидал, – табличку «Продажа цветов», улыбнулся и ринулся туда.

Когда он пробежал мимо цветника, навстречу из дома вышел незнакомый темноволосый парень с букетом белых роз. Следом за парнем появилась и сама хозяйка – Лидия Александровна, немолодая уже, но бодро выглядящая женщина.

– Здрасьте, тетя Лид! – поприветствовал ее Соболев. – Мне бы цветов! Вот таких! – он кивнул на букет в руках парня.

– Опоздал, Егорушка, – улыбнулась цветочница. – Таких сегодня больше нет. Купи гвоздики или тюльпаны. Я сама тебе букет составлю.

– Спасибо, – поблагодарил ее темноволосый парень, подмигнул Егору и вышел со двора.

Егор пару секунд стоял неподвижно, словно не верил, что его вот так запросто посмели «кинуть» в родном поселке. Затем выскочил со двора и быстро нагнал удаляющегося парня. Положил ему руку на плечо и выпалил, запыхавшись:

– Слышь, друг, продай мне этот букет!

Парень удивленно на него посмотрел, улыбнулся по-девичьи мягкой белозубой улыбкой и сказал:

– Я уже купил его. Выбери себе другой.

Парень хотел двинуться дальше, но Егор удержал его.

– Слушай, друг, мне очень нужно. Тут рядом живет девушка, которую я люблю. И я должен подарить ей этот букет.

Прямо сейчас.

Парень посмотрел на руку Егора, стиснувшую его плечо, потом на самого Егора – и ответил:

– Дружище, я все понимаю. Но мне тоже нужен этот букет. И тоже для девушки. И кстати... – он снова примирительно улыбнулся, – моя девушка тоже живет рядом. Так что прости, но букет я тебе не отдам. Пока!

Парень взял руку Егора и небрежно сбросил со своего плеча, после чего зашагал дальше. Егор рванулся вперед и встал у парня на пути. Полоснул его холодным взглядом и проговорил с угрозой в голосе:

– Слушай, а ты вообще кто?

– А ты кто? – вопросом на вопрос ответил парень.

Егор сдвинул брови и резко произнес:

– Конь в пальто.

– Приятно познакомиться. Максим. А теперь прости, конь, но мне нужно идти.

Лицо Егора побелело от ярости.

– Да я тебя...

Он с угрозой двинулся на Максима, но тут знакомый голос отчетливо произнес за спиной:

– Соболь, остынь.

Егор обернулся. Перед ним стоял Витька Ким.

– А, Кореец, – Егор криво ухмыльнулся. – Прикинь, этот пижон мне хамит.

– Полагаю, пижон – это оскорбление? – иронично уточнил

парень. – Жаль вас разочаровывать, но у нас в Москве слово «пижон» – это скорее комплимент. – Парень посмотрел на Кима и кивнул: – Привет, Кореец!

– Привет, Максим! – отозвался тот. – Как дела?

– Да ничего.

Кореец перевел взгляд на Егора.

– Соболев, это Максим, племянник тети Клавды.

– Вот оно что? – Егор взглянул на Максима и прорычал: – Ты всегда такой умный?

– А ты всегда такой грозный? – парировал тот.

Пару секунд они смотрели друг другу в глаза. Потом Егор усмехнулся и весело проговорил:

– Да ладно тебе, дружище. Нам не обязательно враждовать. Я за мир и дружбу.

– И то верно, – улыбнулся Максим. – Чего нам враждовать? Я же почти ваш, лучёвский. В детстве каждое лето сюда приезжал. А ты, значит, Егор Соболев?

– Угу. – Егор ухмыльнулся и легонько хлопнул его по плечу: – Ладно, москвич, живи.

– Соболев, нам надо поговорить, – сухо сказал Ким.

– Прости, Кореец, но у меня срочное дело.

– У меня тоже.

Взгляды Егора и Корейца встретились. Егор ухмыльнулся и, примирительно подняв руки, сказал:

– Ладно. Надо так надо. Давай поговорим.

Егор повернулся к Максиму спиной, тот облегченно пере-

вел дух. И в эту секунду Егор резко двинул его локтем в живот. Максим гортанно охнул, отшатнулся и, схватившись за живот, рухнул на землю. Белые розы веером упали в грязь.

– Соболь, на фига ты?! – воскликнул Ким.

– Для профилактики, – с небрежной усмешкой отозвался Егор. – Пошли в кабак. Там поговорим.

И они зашагали вниз по улице, оставив Максима лежать на земле, среди белых, испачканных грязью цветов.

15

Десять минут спустя Егор, Витька Ким и Фрол сидели за столиком кафе «Радуга» и пили пиво. Фрол присоединился к ним только что и, будучи не совсем в теме, переводил любопытный взгляд с одного приятеля на другого, внимательно слушая, что они говорят. А разговор был напряженный.

– Соболь, – сухо спросил Ким, – тебе его совсем не жалко?

– Не жалко? – возмущенно поднял брови Егор. – Ты дурак, что ли? Суслик был моим другом. И если бы у меня был хотя бы один шанс его достать, я бы сделал это.

– Ребят, потише, – пугливо посмотрев по сторонам, попросил Фрол.

– Я не заставлял Суслика лезть в шахту, – не обращая на него внимания и сжимая кружку пива в огромных ладонях, продолжал Соболев. – Он сам вызвался. Да чего там – я сам хотел туда спуститься! Но Суслик перебежал мне дорогу.

– Пацаны, потише! – снова попросил Фрол. – На нас уже оборачиваются.

Ким помолчал, хмуро глядя на Егора. Потом отпил пива, вздохнул и сказал:

– Ладно. Как думаете, что с ним случилось? Может, какой-нибудь зверь?

– Не знаю, – угрюмо ответил Егор.

– А что, вполне может быть, – сказал Фрол. И тут же осекся и как-то сжался под суровыми взглядами приятелей.

– Есть отличный способ это выяснить, – проговорил Егор и перевел взгляд на Кима. – Спустись в шахту. Посмотри, что там да как. А потом и нам с Фролом расскажешь.

Кореец молчал, угрюмо насупившись.

– Нет? – Егор усмехнулся. – Так я и думал. Тогда закрываем тему. И больше никогда об этом не говорим. Ни слова, ни полслова. Всех устраивает?

– Но... – начал было Кореец, однако Фрол его перебил:

– Витька, ты же то же самое говорил! Что надо закрыть тему и больше не вспоминать. Ты сам это говорил, помнишь?

Ким вздохнул.

– Помню. А менты?

– Менты пусть ищут, – сказал Егор. – Нам с вами главное держать рот на замке. Ну, будем!

Соболев поднял кружку, отсалютовал ею друзьям и отхлебнул пива.

Парни с минуту молчали, на зная, как продолжить этот

неловкий, тягостный разговор. Выход из положения нашел Егор.

– Мужики... – он усмехнулся. – Я, кстати, хотел вам кое-что сказать. Как друзьям.

– Что сказать? – осторожно уточнил Фрол.

– Вы только не смейтесь... В общем, я тут собрался жениться.

– На ком? – тупо поинтересовался Фрол.

Егор пропустил его вопрос мимо ушей, он смотрел на Корейца.

– Как думаешь, Кореец, – насмешливо продолжил он, – гожусь я в мужья?

– Не знаю, – сухо ответил тот. – Я вообще не понимаю, как ты сейчас можешь об этом говорить.

– Да ладно тебе, Вить, – попытался смягчить ситуацию Фрол. – Мы же договорились. Зачем друг другу нервы трепать? – Он повернулся к Егору. – Соболев, ты про Аньку Родимову?

– Про нее, – кивнул Егор, неприязненно косясь на Кима. – Что скажете?

Фрол открыл было рот для ответа, но Ким его опередил.

– Скажу, что ничего у вас не выйдет, – неожиданно отчеканил он.

Егор метнул в него недовольный взгляд.

– Это почему же?

– Вы друг другу не подходите, – ответил Кореец. – Она

слишком чистая. Не от мира сего. Даже если поженитесь – потом ты с ней намучаешься. Или она с тобой.

– Ким прав, – сказал Фрол. – Анька какая-то странная. Да и бабка у нее ведьма. Охота тебе связываться с ведьмой?

– Заткнись, – оборвал его Егор.

Фрол послушно замолчал. Егор угрюмо посмотрел на Кореяца.

– Значит, думаешь, не получится? – переспросил он.

Кореец встретил его взгляд прямо и спокойно.

– Нет, не получится, – ответил он. – Самое лучшее, что ты можешь сделать, это оставить ее в покое. Это за пиво.

Ким швырнул на стол смятую купюру, поднялся из-за стола и направился к выходу. Егор проводил его холодным взглядом.

– Соболев, это он не со зла, – примирительно проговорил Фрол. – Забей. Все равно ведь помиритесь, не сегодня, так завтра.

Егор перевел на него взгляд, усмехнулся и сказал:

– А я уже забил. Принеси-ка нам еще пива.

16

Место было глухое, в стороне от шоссе. «Бэха» Лисицына стояла на широкой тропе, метрах в трехстах к северу переходящей в широкую просеку. Со всех сторон к тропе подступал мрачный колючий подлесок. Под ногами вместо ковра

из хвойных иголок поблескивала грязная застоявшаяся вода. Поодаль топорщился бурелом, по большей части давно сгнивший.

Георгий Александрович Лисицын нервно прохаживался возле машины. Время от времени он вскидывал руку и смотрел на часы, потом разворачивался и шел в другую сторону: десять метров туда – десять обратно. На очередном повороте он чуть сбился с твердой почвы и ступил ногой в грязную, поросшую травой жижу.

– Твою мать! – выругался Лис, поднимая ногу и со злостью разглядывая промокший ботинок из светло-коричневой итальянской кожи. – Не мог найти место почище?

– Босс, вы же сами сказали – безлюдное место, – лениво отозвался водитель и телохранитель Лисицына, широкоплечий кражистый парень по кличке Кривой. – А здесь безлюдно.

– Ты бы меня еще в болото загнал, – проворчал Лис.

Он хотел добавить еще пару крепких слов, но тут откуда-то из глубины леса донесся тоскливый вой. Он длился секунд пять, а потом оборвался.

Лис и Кривой настороженно прислушались.

– Что это было? – спросил Лисицын, почему-то понизив голос.

– Похоже на собаку, – так же негромко ответил Кривой.

– Собака в лесу?

Кривой рассеянно пожал плечами:

– Может, одичавшая?

– Зараза, – Лисицын яростно сплюнул. – Как дрелью в душу!

– Да. Неприятно, – согласился Кривой. Он посмотрел в сторону леса и слегка поежился.

Лис снова принялся расхаживать возле машины. Но вскоре остановился, посмотрел в сторону черного влажного леса, как минуту назад Кривой, и задумчиво проговорил:

– Нехорошо как-то на душе. Муторно. Да еще собака эта...

Кривой не нашелся, что ответить, лишь пожал плечами. Лис поскреб ногтями изрытую шрамами щеку и вздохнул.

– Вот если подумать... Сколько человек отправил на тот свет, а теперь менжуюсь. Старею я, что ли? А? Как думаешь, Кривой?

– Просто Соболев – ваш бывший кореш, – сказал в ответ телохранитель. – Вы же с ним вместе начинали. Вот и свербит на душе. Мы же не звери.

И вновь короткий тоскливый вой заставил Лиса и его телохранителя вздрогнуть.

– Ты смотри! – поморщился Лисицын. – Опять воет. Теперь где-то совсем недалеко, а, Кривой?

– Да, – ответил Кривой, – вроде ближе. До этого вой был оттуда... – Он показал рукой на север. – Со стороны заброшенной шахты. А теперь вон оттуда... – он махнул в южном направлении.

– Чертовщина какая-то, – прохрипел Лис. – Как она так быстро туда перебежала?

– Может, это другая? – предположил Кривой.

– Может быть.

Лисицын снова задумался. Теперь на душе у него было не просто муторно, а тоскливо, появилось что-то похожее на скверное предчувствие. С чего бы вдруг?

Он представлял себе Соболя в луже крови, но эта картинка не доставляла ему ни радости, ни удовлетворения. Порыв северного ветра заставил Лиса поежиться, прошуршал по траве и листве деревьев, пробуждая сонм тихих, несуществующих голосов.

– ТЕБЕ НЕ В ЧЕМ СЕБЯ ВИНИТЬ, ЛИС. ЭТОТ УПОРЫЙ ДЯТЕЛ САМ ВО ВСЕМ ВИНОВАТ. САМ РЕШИЛ ЖИТЬ НЕ ПО ПОНЯТИЯМ! А КТО ЖИВЕТ НЕ ПО ПОНЯТИЯМ, ТОТ РАНО ИЛИ ПОЗДНО СДОХНЕТ.

Лисицын нахмурился и подозрительно посмотрел на кроны деревьев. Потом вздохнул и предположил вслух:

– Может, с ним еще раз покалякать?

– Не поможет, сами знаете, – резонно возразил Кривой. – Соболю упертый.

– Упертый, – согласился Лис. – Но ведь не дурак. И жить любит.

Новый порыв ветра качнул кроны деревьев.

– ЛИБО ТЫ ЕГО – ЛИБО ОН ТЕБЯ! НЕ СДОХНЕТ ОН – СДОХНЕШЬ ТЫ!

Лисицын вздрогнул и посмотрел на Кривого.

– Что ты сказал?

– Я? – телохранитель приподнял ломкую бровь. – Ничего.

А что до Соболя, так он сам виноват. Живет не по понятиям.

А кто живет не по понятиям...

ТОТ ДОЛЖЕН СДОХНУТЬ!

– Вы же сами мне много раз это говорили, босс.

Лис странным взглядом посмотрел в широкое, чуть скошенное на один бок (последствия давней травмы) лицо Кривого.

– Верно, – угрюмо кивнул Лис. – Говорил. Ладно. Позвони этому загашенному. Где он до сих пор шляется?

– Да вон он! Уже едет!

Лис уже и сам увидел. Светлая «Тойота» вынырнула из-за деревьев и, подрагивая и подскакивая на кочках и буераках, подъехала к «бэхе». Мотор «Тойоты» умолк, дверца открылась, и из салона торопливо и неуклюже выбрался Еременко.

– Прошу прощения, Георгий Александрович, не смог вырваться раньше, – виновато сказал лысый помощник и поправил пальцем очки.

Лисицын смерил его холодным взглядом.

– Ладно, фраер, не высекай. Быстро все порешаем. Кривой, бабло!

Телохранитель кивнул, подошел к «бэхе», открыл дверцу и достал с заднего сиденья небольшой кейс. Подошел к Еременко и протянул кейс ему. При взгляде на кейс глаза лысого

помощника блеснули алчным светом. (Или это луч заходящего солнца отскочил бликом от холодных стекол его очков.)

– Сколько здесь? – спросил Еременко, принимая кейс.

– Ровно столько, сколько ты просил, – жестко сказал Лис. – Ни баксом меньше.

Еременко взял кейс, щелкнул замочками и приоткрыл его. Потом облизнул пересохшие от волнения губы и снова защелкнул кейс. Посмотрел на Лисицына.

– Ну? – спросил тот.

– Соболев посылает меня в командировку, уладить кое-какие дела по бизнесу. Меня здесь не будет пару-тройку дней. Но когда вернусь... Я все сделаю, как мы договаривались.

– Имей в виду, – сухо пригрозил Лисицын, – если кому проговоришься, отправишься вслед за ним. Но подыхать будешь долго и мучительно. Я тебе это гарантирую.

– Что вы, – Еременко напряженно улыбнулся. – Уговор есть уговор.

– Мы уедем первыми, ты посиди здесь минут двадцать. Кривой, поехали! А то меня уже с души воротит от этого леса.

Лис и его телохранитель забрались в «бэху». Еременко посмотрел, как их машина отъезжает, как набирает ход, подпрыгивая на рытвинах и кочках. Когда «бэха» скрылась за деревьями, он перевел взгляд на кейс, который держал в руках. Губы его изогнулись в улыбку, но длилось это недолго – где-то в лесу завыл зверь, протяжно, тоскливо и яростно,

и на последнем нисходящем звуке вой этот слился с тихим завыванием холодного ветра и шорохом листьев.

От неожиданности лысый помощник едва не выронил кейс. Он стиснул пластиковую ручку побелевшими от напряжения пальцами, быстро подбежал к своей «Тойоте». Открыл дверцу, ввалился на сиденье, захлопнул дверцу и торопливо заблокировал ее. Потом откинулся на спинку сиденья и шумно перевел дух.

Ему вдруг стало стыдно за свою трусость. Подумаешь – какая-то псина завывала! Мало ли их шляется по лесу! На волчий вой точно не похоже. Волки воют по-другому.

Немного успокоившись, Еременко снова посмотрел на кейс, который теперь лежал у него на коленях. И снова не удержался от улыбки. Наконец-то! Он столько лет горбатился на Соболева, а достойное вознаграждение получил от его лютого врага – Лиса.

Ну и черт с ним! Сам виноват!

Еременко облизнул сухие губы и подумал, что сейчас было бы очень уместно выпить. Хотя бы чисто символически. Рюмку водки, больше-то и не надо.

Еременко вздохнул. Он не пил уже четыре года, с тех пор, как вышел из больницы, пережив острый гипертонический криз, вызвавший отек мозга. Врач тогда объяснил ему вполне четко и доходчиво: «Еще несколько рюмок водки – и вы покойник. Выбор за вами».

И Еременко свой выбор сделал. Четыре года. Казалось бы,

за это время вполне можно забыть даже вкус алкоголя, однако иногда желание выпить просыпалось в нем с дикой силой. Он гнал от себя эти мысли, но иногда, когда припекало особенно сильно, давал слабину и позволял себе помечтать.

В такие минуты Еременко закрывал глаза и представлял себе, что стоит возле барной стойки. И доброжелательный услужливый бармен с расторопной готовностью подходит к нему и вопросительно заглядывает в лицо.

– Рюмку водки, – произносил Еременко с улыбкой. – И чего-нибудь закусить.

Бармен кивает и исчезает, но почти тотчас же появляется снова и ставит на барную стойку запотевшую рюмку с ледяной водкой и тарелочку с солеными рыжиками. Еременко берет эту рюмку, подносит к губам, пару секунд медлит, чтобы прочувствовать момент, а затем – опрокидывает в рот.

Сейчас – в машине, с кейсом, полным денег, на коленях – ему снова невыносимо захотелось выпить. И перед глазами снова возникла услужливая картинка. Барная стойка, приветливый бармен, рюмка водки... Потом еще одна (праздник же!). После второй рюмки Еременко почувствовал, что пьянеет. Но не остановился и выпил еще две. И зря. В душе что-то засвербило и заныло, прямо как тот безвестный лесной зверь, взявший высокую тоскливую ноту, чтобы растворить ее в гуле холодного ветра и шорохах листвы.

– НЕ ЖАЛЕЙ! – *прогудел ветер.* – ЗА ЧТО ТЕБЕ ЕГО ЖАЛЕТЬ? РАЗВЕ ОН КОГДА-НИБУДЬ ЗАБОТИЛСЯ О ТЕБЕ?

– Он взял меня на работу, – пробормотал Еременко. – Сделал своим помощником.

– *ПОМОЩНИКОМ? – насмешливо прогудел ветер. – ТАК ТЫ ЭТО НАЗЫВАЕШЬ? ОН ЧЕТЫРЕ ГОДА ПОМЫКАЕТ ТОБОЙ. ЗАСТАВЛЯЕТ ДЕЛАТЬ ГРЯЗНУЮ РАБОТУ. ТЫ НЕ ПОМОЩНИК, ТЫ – СЛУГА!*

– Это не так, – неуверенно пробормотал Еременко.

– *ТАК! ИМЕННО ТАК! ЧЕРЕЗ ПОЛГОДА ИЛИ ГОД ОН ВВЕДЕТ В ПРАВЛЕНИЕ СВОЕГО СЫНА. А ПОТОМ СДЕЛАЕТ ЕГО СВОЕЙ ПРАВОЙ РУКОЙ. А ТЫ ТАК И ОСТАНЕШЬСЯ МАЛЬЧИКОМ НА ПОБЕГУШКАХ. И БУДЕШЬ ПРИСЛУЖИВАТЬ ЭТОМУ ТУПОМУ МОЛОКОСОСУ.*

Еременко молчал, мрачно глядя на опустевшую рюмку, которую все еще держал в руке.

– *ДЕНЬГИ, КОТОРЫЕ ПРЕДЛАГАЕТ ЛИС, МОГУТ СДЕЛАТЬ ТЕБЯ НЕЗАВИСИМЫМ! ТЫ МОЖЕШЬ, НАКОНЕЦ, СТАТЬ ХОЗЯИНОМ СВОЕЙ ЖИЗНИ! И НЕ ТОЛЬКО СВОЕЙ.*

– Да, – сказал Еременко, и голос его обрел решительность. – Я могу. У меня есть ум, воля, образование! Я могу стать хозяином!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.